

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 25 (3370)

Суббота, 26 февраля 1955 г.

Цена 40 коп.

Наша великая советская демократия

Это уже стало традицией — дни выборов в Советы депутатов трудящихся превращаются для советских людей в радостный праздник. Ничего удивительного в этом нет. Под лозунгом Коммунистической партии «Вся власть — Советам!» шли наши отцы и деды на баррикады Великого Октября, шли в жестокой, правый бой с силами царизма, помещиков и буржуазии, с интервентами четырнадцати капиталистических держав. Стереть с лица земли Советы, не дать им взять в руки управление страной — это желание руководило белогвардейским генералом и петлюровским бандитом, полуграмотным, озверевшим от ненависти кулаком, целившимся из обреза в сельского активиста; это желание руководило и руководит ныне и некоторыми влозне цивилизованными джентльменами.

Советы победили в борьбе с контрреволюцией и стали первой на земном шаре народной властью. Они дали название нашей стране, нам, советским людям, новой эпохе в истории человечества.

Советская власть — самая демократическая форма управления государством, выражающая волю и желание народа — хозяйка своей страны.

Мы хорошо знаем цену буржуазной демократии, знаем, чего стоит «народность» выборов с помощью золота и свинца, подкупки и шантажа, знаем, в какую политическую яму превращается там, в странах капитализма, избирательная кампания. Недаром, наверное, английское слово «кредит», означавшее «путь», «беспорядок», приобрело в США совершенно определенный смысл — политический подкуп и террор.

Обратимся к классикам западноевропейской литературы, вспомним страницы, разоблачающие махинации парламентской кухни в романах Диккенса, Франса, в «Париже» Золя, в «Милом друге» Мопассана. Вспомним уничтожающий сарказм небольшого рассказа Марка Твена «Как меня выбрали в губернаторы». Предоставим слово Теодору Драйверу. В его «Титане» один из политических «деятелей» говорит нагло и прямо: «Нужно, чтобы демократическая партия потеряла полное и бесповоротное поражение, но чтобы никто не мог догадаться, каким способом это сделано». В середине XIX века в США происходит то же самое — исхо выборов также решают жульничество и угрозы, с той только разницей, что американским политикам сейчас не удается скрыть, «каким способом это сделано». Из книг прогрессивных писателей, из демократической прессы узнаем мы о расизме, о трагических буднях «Острова Слез», о позорных фактах линчевания негров и прочих «демократических» явлениях современной заокеанской действительности.

Антидемократический разгул внутри страны предрекает и курс внешней политики — грубой, лживой, попирающей независимость наций и государств. Фактически оккупация ряда стран Европы, восстановление — вопреки воле европейских народов — западно-германского вермахта, наглые провокации в латиноамериканских государствах, строительство авиабаз в тысячах километров от американских границ — все это и есть пресловутая политика «с позиции силы», агрессивный характер которой совершенно очевиден для всякого здравомыслящего человека.

Истинная демократия существует там, где все органы власти — от местных до верховных — избирает народ, где в органы государственной власти избираются его лучшие сыновья и дочери. Первыми на предвыборных собраниях избиратели назвали имена руководителей партии и правительства, продемонстрировав еще и еще раз единство партии и народа, нерушимость блока коммунистов и беспартийных. Мы ставим у кормила народной власти людей, в битвах и труде доказавших свою верность народу, преданность Родине; искусных мастеров тяжелой индустрии, дающих стране уголь, сталь, прокат, сложнейшие машины; передовиков промышленности и сельского хозяйства, умелых механизаторов, агрономов-мичуринцев, земледельцев и садоводов, ученых, двигающих вперед социалистическую науку и технику, заставляющих атом работать для мира, врачей-новаторов, борющихся за здоровье и долголетие человека, вдумчивых педагогов, воспитывающих детей в духе светлых идеалов высокого советского гуманизма, деятелей литературы и искусства, создающих произведения, достойные величайшей в истории человечества советской эпохи.

Расскажем здесь о некоторых единодушно выдвинутых народом кандидатах в депутаты Верховных Советов республик и местных Советов. Кто они, эти люди? Это — начальники смены Синарского трубного завода, уралец Григорий Контелый — новатор производства, носящий высокое звание почетного металлурга. Это Константин Жарков — председатель Ярославского колхоза с красивым, звучным названием «Болос», участник Весомовой сельскохозяйственной выставки, награжденный ее Большой золотой медалью и автомобилем «Победа». Его земляк — народный артист РСФСР Григорий Белов, которого мы любим как создателя чудесного образа Мичурина, образа старого доктора из фильма «Сельский врач».

Это — талантливый украинский писатель, прошедший в почетном и трудном звании сержанта Советской Армии освободительный путь через Балканы и создавший произведение, которое украсило послевоенную советскую прозу. Я уверен: Олесь Гончар по праву займет место в народном парламенте нашей республики рядом со своим старшим коллегой, широко известным поэтом, академиком Павлом Тычиной. Это — двадцатитрехлетняя дочь освобожденной от капиталистического рабства Буковины, агроном Мария Микитой, начавшая свою трудовую жизнь батрачкой у помещика, а ныне Герой Социалистического Труда.

В Верховный Совет РСФСР балотируется Анастасия Данилова. Она родилась в семье бедняка якута и прошла славный путь передовой советской женщины: учила детей в школе, заведовала районным отделом народного образования, была секретарем райкома КПСС, сейчас она — аспирант Академии общественных наук. Якутский народ назвал на предвыборных собраниях и имени ее мужа Василия Алексеева — одного из лучших охотников Заполярья, представителя народа, поднявшегося только при советской власти.

Кандидат в депутаты — слесарь Арам Симонян. Восемнадцатилетним работал он на Ереванском станкостроительном заводе, восемнадцатилетним стал инженером, смелым экспериментатором, творит, дерзает. Кандидат в депутаты — председатель одного из армянских колхозов Суран Атанасян, агроном с высшим образованием, работающий на диссертацию, награжденный орденом Ленина за повышение урожайности винограда. Дом сельскохозяйственной культуры, организованный в этом колхозе как научно-экспериментальная база, — один из лучших в Армении.

Рядом с праславянскими металлургами и шахтерами Донбасса и Урала, сталеварами Москвы и Рустави народ назвал кандидатами в депутаты Советов бригадиром тракторной бригады, поднявшей 1430 гектаров целины, атайца Василия Кузнецова, передового шахтера Эстонии Карла Тислера, награжденного медалями «За боевые заслуги» и «За трудовое отличие», столаря-краснодеревника из Таллина Освальда Ильбиса, харьковского хирурга профессора Николая Новаченко — многих, многих передовых людей великой нашей страны. Народ отдает им свой голос, облетит их своим доверием. И все они будут выполнять единую, непоколебимую волю народа: крепить и отстаивать мир, укреплять мощь страны, развивать ее славу, тяжелую индустрию, добиваться высокой продуктивности сельского хозяйства и животноводства, способствовать дальнейшему повышению жизненного уровня советского народа, новым успехам его культуры. Они, наши будущие избранные, свою деятельность посвящают борьбе за счастье народное.

Выбирая достойных людей, спокойно веря им свою судьбу, мы испытываем чувство радости и законной гордости за свой самый демократический в мире государственный строй, за свой народ, за великую нас в новых победах родную Коммунистическую партию. С этим чувством мы пойдем к избирательным урнам!

Любомир ДМИТЕРКО

Москва накануне выборов

По-праздничному расцвели улицы и площади столицы. Всюду красные плакаты, посвященные выборам. На многих зданиях города появились кумачовые транспаранты с надписью: «Добро пожаловать». Здесь разместились избирательные участки, которые являются общими по выборам в Верховный Совет РСФСР и местные Советы. Их в Москве насчитывается около 1800.

Тысячи агитаторов разносят по квартирам избирателей открытки с призывом прийти на выборы и отдать свой голос за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных. Кандидатами в депутаты Верховного Совета РСФСР и местные Советы москвичи выдвинули передовиков производства, видных ученых, деятелей науки и искусства, представителей общественных организаций и обществ трудящихся.

День выборов трудящиеся столицы отмечают новыми трудовыми победами.

В избирательных участках, где все органы власти — от местных до верховных — избирает народ, где в органы государственной власти избираются его лучшие сыновья и дочери. Первыми на предвыборных собраниях избиратели назвали имена руководителей партии и правительства, продемонстрировав еще и еще раз единство партии и народа, нерушимость блока коммунистов и беспартийных. Мы ставим у кормила народной власти людей, в битвах и труде доказавших свою верность народу, преданность Родине; искусных мастеров тяжелой индустрии, дающих стране уголь, сталь, прокат, сложнейшие машины; передовиков промышленности и сельского хозяйства, умелых механизаторов, агрономов-мичуринцев, земледельцев и садоводов, ученых, двигающих вперед социалистическую науку и технику, заставляющих атом работать для мира, врачей-новаторов, борющихся за здоровье и долголетие человека, вдумчивых педагогов, воспитывающих детей в духе светлых идеалов высокого советского гуманизма, деятелей литературы и искусства, создающих произведения, достойные величайшей в истории человечества советской эпохи.

Расскажем здесь о некоторых единодушно выдвинутых народом кандидатах в депутаты Верховных Советов республик и местных Советов. Кто они, эти люди? Это — начальники смены Синарского трубного завода, уралец Григорий Контелый — новатор производства, носящий высокое звание почетного металлурга. Это Константин Жарков — председатель Ярославского колхоза с красивым, звучным названием «Болос», участник Весомовой сельскохозяйственной выставки, награжденный ее Большой золотой медалью и автомобилем «Победа». Его земляк — народный артист РСФСР Григорий Белов, которого мы любим как создателя чудесного образа Мичурина, образа старого доктора из фильма «Сельский врач».

Это — талантливый украинский писатель, прошедший в почетном и трудном звании сержанта Советской Армии освободительный путь через Балканы и создавший произведение, которое украсило послевоенную советскую прозу. Я уверен: Олесь Гончар по праву займет место в народном парламенте нашей республики рядом со своим старшим коллегой, широко известным поэтом, академиком Павлом Тычиной. Это — двадцатитрехлетняя дочь освобожденной от капиталистического рабства Буковины, агроном Мария Микитой, начавшая свою трудовую жизнь батрачкой у помещика, а ныне Герой Социалистического Труда.

В Верховный Совет РСФСР балотируется Анастасия Данилова. Она родилась в семье бедняка якута и прошла славный путь передовой советской женщины: учила детей в школе, заведовала районным отделом народного образования, была секретарем райкома КПСС, сейчас она — аспирант Академии общественных наук. Якутский народ назвал на предвыборных собраниях и имени ее мужа Василия Алексеева — одного из лучших охотников Заполярья, представителя народа, поднявшегося только при советской власти.

Кандидат в депутаты — слесарь Арам Симонян. Восемнадцатилетним работал он на Ереванском станкостроительном заводе, восемнадцатилетним стал инженером, смелым экспериментатором, творит, дерзает. Кандидат в депутаты — председатель одного из армянских колхозов Суран Атанасян, агроном с высшим образованием, работающий на диссертацию, награжденный орденом Ленина за повышение урожайности винограда. Дом сельскохозяйственной культуры, организованный в этом колхозе как научно-экспериментальная база, — один из лучших в Армении.

Рядом с праславянскими металлургами и шахтерами Донбасса и Урала, сталеварами Москвы и Рустави народ назвал кандидатами в депутаты Советов бригадиром тракторной бригады, поднявшей 1430 гектаров целины, атайца Василия Кузнецова, передового шахтера Эстонии Карла Тислера, награжденного медалями «За боевые заслуги» и «За трудовое отличие», столаря-краснодеревника из Таллина Освальда Ильбиса, харьковского хирурга профессора Николая Новаченко — многих, многих передовых людей великой нашей страны. Народ отдает им свой голос, облетит их своим доверием. И все они будут выполнять единую, непоколебимую волю народа: крепить и отстаивать мир, укреплять мощь страны, развивать ее славу, тяжелую индустрию, добиваться высокой продуктивности сельского хозяйства и животноводства, способствовать дальнейшему повышению жизненного уровня советского народа, новым успехам его культуры. Они, наши будущие избранные, свою деятельность посвящают борьбе за счастье народное.

Выбирая достойных людей, спокойно веря им свою судьбу, мы испытываем чувство радости и законной гордости за свой самый демократический в мире государственный строй, за свой народ, за великую нас в новых победах родную Коммунистическую партию. С этим чувством мы пойдем к избирательным урнам!

Вспомни, опуская бюллетень...

Город Иваново. Многие в нем — названия улиц, фабрик, мемориальные доски на старых домах — напоминают о первой народной революции эпохи империализма.

Признанием из красного кирпича здание бывшей Мендаской управы на Негорелой улице. Здесь в 6 часов вечера в воскресенье 15 мая 1905 года собрался на свое первое заседание депутаты одного из первых в мире Советов депутатов рабочих. Две трети депутатов, около ста человек, были социал-демократами, которые в Иваново-Вознесенске все принадлежали к большевикам.

Из рассказов участников и свидетелей тех героических дней, из документов видно, как прошло это заседание. О самом главном — твердо отстаивать требования рабочих, не делать никаких уступок фабрикантам — договорились быстро и решили все единогласно.

Запомнилась депутатам выступление старшего фабричного инспектора Владимирской губернии Свироского, иронически прозванного рабочими «Уголи моя печаль». В тот день Свироский был при полном параде — в виц-мундире с ослепительными пуговицами, с орден Станислава в петличке.

Ожидали, что господин старший инспектор, как всегда, начнет с угроз, а кончит угрозами, но он сухо изложил просьбу губернатора разрешить ему, губернатору, напечатать в типографии распоряжение, которое необходимо довести до всеобщего сведения. Депутаты переглянулись: губернатор просил, а не требовал.

До сих пор в Иваново рассказывают о легендарном ораторе, депутате первого Совета большевиков Ефимии Дуднове. В 1905 году ему было 28 лет. Невысокий, худощавый, одетый всегда в синюю станину, охотился в черной пиджак, с небольшой бородой и усиками, он ничем не отличался от остальных рабочих. Стоило ему подняться на бочку, как он преображался. Темные глаза горели, звонкий тенорок доходил до самого сердца слушателей. Многочисленная толпа повиновалась ему, как один человек. И недаром же в те боевые дни послония, рожденная на собраниях: «Фабрика Кузнецова, а порядки на ней Дуднова».

И вот Ефимий Дуднов взял слово после Свироского. Постоял молча, посмотрел на депутатов, потом на смелую иронию прищурился в сторону виц-мундира инспектора и произнес только одну фразу: — Ну как, товарищи депутаты, уважим господина губернатора? — И депутаты солидно ответили: — Уважим!

И тогда Дуднов снисходительно бросил инспектору: — Слышали? На этот раз, так и быть, разрешим...

Вот бульвар на Садовой улице. Историческое место. Именно здесь, на этом бульваре, рабочие, разбившись по фабрикам, выбрали своих депутатов. Утро, по описанию очевидцев, было превосходное: ясное, настоящее майское. Ночью прошла гроза, воздух был чист и прозрачен. Вот тут, на этой аллее, Михаил Васильевич Фрунзе произнес речь, закончив ее призывом: «Долой проклятое самодержавие!».

Улица Станко. Настоящее имя человека, в память которого она получила свое название, — Иван Никитич Уткин. Большевик, депутат первого Совета, верный друг Михаила Фрунзе, он был организатором и начальником боевой дружины. Это он вместе с Фрунзе привел в Москву в декабре 1905

года рабочий отряд и дрался во главе его на Красной Пресне. Он умер в 1908 году на царской казнь от чехов.

Улица Ермака. Под этой кличкой долгое время жил Василий Ефимович Морозов. Он тоже был депутатом первого Совета от рабочих фабрики Зубкова. Многие коротышки тюрьмы царской России были ему знакомы, не понаслышке. Погиб он в Москве во время октябрьских боев.

Площадь Оли Генкиной перед старым вокзалом. На небольшом обелиске под стеклом — портрет молодой девушки. Глазкая прическа на косой пробор. Великий воротничок украшает скромное платье курстику. Большие глаза смотрят из-под тонких темных бровей. Сердечная улыбка освещает совсем еще юное лицо. Она пришла в Иваново-Вознесенск с ответственным партийным поручением — привезла оружие и патроны. Следующая операция выдала ее, и банда черносотенцев разстала Олю на вокзале.

Улица Боевиков, улица Громобоя, имени Вагачева, фабрики имени Балашова, имени Ольги Варенцовой, — хорошо, правильно сделали ивановцы, дав своим улицам и предприятиям имена рабочих-большевиков, участников первого Совета рабочих депутатов.

Весной и летом 1905 года в агентурных донесениях осведомителя охранки и филеров среди многих кличек иваново-вознесенских большевиков начала мелькать еще одна кличка «Ганька». Не раз, наверное, чертыхался жандармский ротмистр Шлегель, читая донесения о деятельности избирательной, неуловимой «Ганьки».

И вот я разговариваю с «Ганькой» — Ольгой Алексеевной Беловой, старой большевичкой, членом Коммунистической партии Советского Союза с 1903 года. В коннату то и дело заглядывают ее внуки. Бабушка беспрерывно выставляет их: «Ну дайте поговорить с человеком!».

Ольга Алексеевна идет восьмой десятком. Она с удовольствием вспоминает о прошлом, с уважением называет дорогу, близкие имена М. В. Фрунзе, Федора Афанасьева, Семена Балашова, Станко, Ермака, Федора Самойлова. Но она живет не только прошлым, она вся в настоящем.

— Немного устало. Мы тут, старые большевики, человек тридцать, хор организовали. Поем старые революционные песни: «Смело, товарищи, в ногу», «Вихри враждебные...». Объясняем их происхождение, как мы на демонстрациях пели.

— Часто выступаю перед молодежью — агитатор я. На прошлой неделе два раза выступала. Один раз перед студентами, второй раз перед работниками. Рассказываю про нашу прошлую жизнь, про то, как собирались на подпольные собрания, как тайком, по ночам, ленинские книжки читали.

И возразился от Ольги Алексеевны вечером. Улицы были ярко освещены. Торопливо поступившая, шел с Меланкевича комбината трамвай. Из театра рекой выливалась публика, растекалась ручейками по заснеженным улицам и переулкам... Неузнаваемо изменился город по сравнению с тем, как он выглядел в годы моего детства. Я подумал, какие хорошие слова сказала Ольга Алексеевна девушке, которой 27 февраля предстоит голосовать впервые.

Вспомни, опуская бюллетень, за какую партию ты голосуешь? Арк. ВАСИЛЬЕВ

ИВАНОВО

НАРОДЫ ОТСТОЯТ МИР!

Полностью одобряет Обращение советский народ, борющийся за прочный мир во всем мире.

В ряде стран широко развернулся сбор подписей под этим Обращением.

Ставлю свое имя

Несколько лет тому назад я услышал, как Соединенные Штаты, имея атомную бомбу, хвалятся, что в одну минуту могут разрушить целый город. Это хваство оказалось мне очень циничным. Вот если изобрести такой снаряд с помощью которого за одну минуту можно выстроить целый город, это будет действительно достойно восславления. Империалисты же США во имя завоевания мирового господства, во имя агрессивности собираются сотворить дурное дело. Со времени возникновения мира не было подобного злодеяния. Только то, что не знает никакого стада, может хвалятся несколькими лот, США продолжают угрожать миру атомной бомбой. Но теперь мне известно и то, что атомную энергию Советский Союз применил для мирного строительства. В этом году мне исполняется 95 лет. Я счастлив, что смог дожить до освобождения, увидеть, как хорошо стали жить киты, увидеть начало благоденствия страны. Я думаю, что все люди на земле любят мир и спокойствие, любят свой очаг, своих детей и внуков. Любить мир — это значит защищать мир, а защищать мир — это значит бороться против применения злодейской вещи — атомной бомбы! Я твердой рукой ставлю под Венским Обращением к народам всего мира свое имя: Цзю Бай-ши.

ЦИ БАЙ-ШИ, председатель Ассоциации деятелей искусства Китая ПЕККИН

ЗАЯВЛЕНИЕ

Секретариата Правления Союза писателей СССР

С глубоким возмущением и тревогой встретило все миролюбивое человечество решение Совета агрессивного Североатлантического блока о подготовке планов развязывания атомной войны.

Зачинщики новой войны пытаются убедить народы, что война неизбежна. Они обманывают народы болтовней об «оборонительном» характере атомного оружия. Вся эта лживая пропаганда рассчитана на то, чтобы испугать и деморализовать людей, ослабить их волю в сопротивлении. Но народы мира могут и должны сорвать преступные планы организаторов атомной войны!

Обращение Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны встретило самый живой и горячий отклик в сердцах всех честных людей во всех странах земного шара.

Советская литература, верная принципам социалистического гуманизма, неизменно провозгладала и провозглашает идеи мира и дружбы между народами. Советские писатели, как и все советские люди, стоят за мир. Но жестоко просчитаются те, кто это стремление к миру полагается истолковывать как проявление слабости. Памятные всем уроки истории по-

Черты общественного деятеля

Наша южная окраина похорошела. Она попрежнему упрямится в поле, но не кривыми улочками и ветхими деревянными домишками, которые сейчас можно увидеть только на старых фотографиях, а стройной чередой многоэтажных зданий, с севера обрамленных большим парком.

В центре новостроящегося ансамбля, который тем и хорош, что удобен для жизни, собирают сейчас 12-этажный жилой дом. Это — дань увлечению высотными строениями, дорогими и ненужными там, где хватает места для новых пяти- и шестизэтажных домов.

Среди построенных встречаются дома с некоторыми архитектурными излишествами. Вот — колоннада на фасаде одного жилого здания. Для чего она? Чтобы жильцы первого этажа не видели белого света? Но уже проходит и это увлечение ложной красотой в ущерб экономии и удобствам людей.

Любопытный факт. Сборка дома на южной окраине Ленинграда за Московской заставой привлекает внимание множества иностранных гостей в такой же мере, как коллекции Эрмитажа или наш балет. Сюда приезжают чехи и поляки, венгры и румыны, китайцы и вьетнамцы, здесь побывали гости из Алжира и Цейлона, Вирмы и Гондураса и еще из доброго десятка стран. Колоннада никого из них не заинтересовала. Мимо нее проходили равнодушно, а на башенные краны, пронесшие в воздухе пламя, бетонные, бетонные и железобетонные блоки и другие крупногабаритные сборные детали и конструкции, смотрят внимательно. Иная дель так велика, что вместо нее пришлось бы уложить на стройке тысячу кирпичей. Но здесь, на самом объекте в Советской стране крупноблочном здании строителей, монтажники с помощью крана в 20 минут ставят четверть стены, и это радует и удивляет наших друзей.

— Мы видим тут наше будущее! — восторженно заявили вьетнамские строители.

На крупноблочных стройках прошла почти вся трудовая жизнь монтажника Павла Григорьевича Чудинова, одного из наших кандидатов в депутаты местного Совета. В 30-х годах он приехал в Ленинград из Костромы и попал на первую крупноблочную стройку. Он привык видеть на стройке тяжелый ручной труд, «козу» и «люльку», а здесь он увидел мощные краны, которые проносили в воздухе сборные детали, и дома вырастали со сказочной быстротой. Павел Чудинов сразу стал патриотом новых методов строительства. Пятнадцать лет упорной учебы, и Чудинов — выдающийся мастер монтажа.

Южная окраина изменилась при нем. Теперь Чудинов вправе сказать о каждом жилом доме и о каждой школе на южной окраине: «Это я построил».

Сейчас Чудинова техникой не удивишь: ему служат мощные башенные краны и дerrick-краны, и он со своим званием монтажника может в десять дней собрать целый этаж большого, многоквартирного дома. А если не будет задержек с подачей блоков, то и в неделю соберет. Сейчас и в других районах города, где стены жилых домов складываются из кирпичей, тоже применяют новые методы кладки и пользуются новой техникой. Это приносит строителям выигрыш во времени. Но на южной

окраине, где трудится Чудинов, все делается вдвое быстрее.

Читатель, может быть, уже подумал: почему же такой интересный опыт, который изучают строители многих стран, не распространялся с южной окраины Ленинграда до северной окраины?

Павел Чудинов тоже над этим задумывался.

— Владею методом, который может дать людям вдвое больше квартир при равной затрате рабочего времени, а дело развивается медленно.

Чудинов был участником Всесоюзного совещания строителей. Там крупноблочное строительство всемерно пропагандировалось. Чудинов — один из активных его сторонников. Он неустойно борется со всем тем, что тормозит это передовой метод строительства.

— В 1951 году мы заложили десять сборных домов, — говорит Чудинов, — а сейчас собираем только один 12-этажный. Люди приезжают к нам поучиться скоростной стройке, а у нас порой простаивают десятки монтажников — золотые руки, им цены нет!

Почему это происходит? Причины много. То проекты месяцами ждем от института «Ленпроект», то блокнотом месяцами ждем от завода поставщика, хотя он через дорогу и работает только на нашу строительную площадку. Причин много, а главная одна — бюрократизм.

И Чудинов ногой сбросил пласт снега с одного из блоков.

— Хотите знать, почему они здесь валяются? О-о, это история поучительная! Крупные блоки производят для нас единственные в Ленинграде мастерские. На совещании в Москве я слышал, что есть план создания настоящего завода по производству крупных блоков. Тогда мы получим мощную базу и будем давать не 35.000 квадратных метров площади в год, как сейчас, а 150.000 — почти в пять раз больше. Вот за скорейшую организацию такого завода я и ратую. А пока же на нас работают малочисленные мастерские, которыми руководит трест производственных предприятий.

Помимо завода, этому тресту придали еще... песчаный карьер. Назначили в трест директора, замом, главным инженером, завели бухгалтерию, отделы и подотделы. Трест должен как-то отправлять свое существование. И он заставляет свое единственное предприятие лететь блоками, какие полегче и попоше. А нужных не дает. Строители требуют: изготовьте блоки таких-то типов. Трест производственных предприятий отвечает: берите какие есть. Строители волнуются: давайте нужные блоки, иначе не будет дома, советские строительную программу. Трест производственных предприятий отвечает: у нас своя программа есть.

Гневно говорил Чудинов о безответственности, порожденной неправильной структурой учреждения.

Беседуя с этим горячим, энергичным человеком, я понял, что его выдвинули кандидатом в депутаты Октябрьского районного Совета Ленинграда не только потому, что он один из лучших монтажников страны. Выдвинули человека, в котором подметили черты общественного деятеля, полного решимости бороться за передовые, новаторские методы строительства, против косности и рутины.

А. САДОВСКИЙ
ЛЕНИНГРАД

Утраченная слава

ЧЕМПИОНАТ Утраченная слава... Ленинград по хоккею с мячом выиграла команда завода «Красная заря».

— Почему такие классные хоккеисты не участвуют в переносе страны? — спросил я одного знатока.

— Как не участвовать? Они играют, только под другим названием.

Я проверил. И действительно, в основном составе команды добровольного спортивного общества «Энергия» оказались хоккеисты завода «Красная заря».

— Почему же они не выступают от имени своего заводского коллектива? Ведь когда-то ленинградский завод «Красная заря» был известен на всю страну не только своей продукцией, но и своими спортсменами.

Я хорошо знаю их, потому что сам прежде «болел» за «Красную зарю». Успех ее спортсменам приносили не только их закалка, тренированность, воля к победе, но и то воодушевление, с каким они выходили на футбольное поле на лед или на газонную дорожку.

Обычно спортсмены-краснозарецкие являлись на стадион с толпой заводских товарищей. Иногда на футбольных матчах присутство-

вали добрая половина заводских рабочих.

Если краснозареццы уходили с поля победными, на другой день во всех цехах шли горячие споры о том, как лучше укрепить команду. Заводские игроки в те времена было много, так как каждый цех имел свои команды.

Я поехал на «Красную зарю». Побывав в заводе и в крошечной комнате совета физкультуры. С физкультурой на заводе как будто все обстоит благополучно. По цехам проходят соревнования, действуют общецеховские секции.

Но то, что рассказали мне на «Красной заре», вызывает желание протестовать.

С какого-то времени повелось, что главные тренеры секций и почти все денежные средства скапливаются в добровольных обществах.

Спортивные «Красной заре», например, на весь год имеют всего 25 тысяч рублей, — попоробите, развертываться на эти средства!

Правда, у завода есть свой стадион и хороший спортивный зал, но чтобы содержать их, приходится прибегать к арендной практике.

Потому в свой собственный спортивный зал физкультурники могут попасть только два раза в неделю и то лишь на несколько часов.

Но главная беда заключается даже не в этом. На «Красной заре» и на некото-

рых других предприятиях принимают жалуются вот на что: спортивные общества очень часто обескровливают заводские коллективы, забирают себе лучших спортсменов.

Повлиял хороший хоккеист, футболист, легкоатлет, — его сейчас зачисляли в соответствующую команду общества, и процарив заводской спортивной коллектив! Ну, а кому же из заводских ребят захочется выступать в командах, лишившихся лучших игроков, кто будет «болеть» за слабых, часто проигрывающих спортсменов?

Вместо того, чтобы воскресить старую хорошую традицию, — а она заключалась раньше всего в создании крепких заводских спортивных коллективов, могущих выступать даже во всевозможных соревнованиях, — добровольные общества невольно разваливают эти команды.

Вот почему вы не увидите среди участников наших крупнейших соревнований ни команд хотя бы Сталинградского транспортного завода, Уралмаша, Магнитогорского металлургического комбината, той же «Красной заре».

Для меня, как и многих других любителей спорта, ясно: надо, наконец, широко обсудить этот вопрос, сделать все возможное, чтобы вернуть утраченную славу спортивным рабочим коллективам.

Петр КАПИЦА ЛЕНИНГРАД

ПОЧЕМУ ОНА ЗАБЫЛИ?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Мне рано пришлось поступить на работу и оставить школу. Несколько лет я пропал в рядах на судах нашего торгового флота.

И все эти годы мысль о продолжении учебы не покидала меня.

Стал я наволить справки, с каким учебным заведением связаться, чтобы закончить среднее образование.

Выяснилось, что заочные школы существуют только в областных городах, принимают очень ограниченное количество учащихся, и понадеялся туда человеку «бразилем», как я или мои товарищи по кораблю, нет никакой возможности.

Мне кажется это неправильным и несправедливым.

Весь существует в нашей стране десятки специальных высших заочных учебных заведений. Почему же не создать широкую сеть общеобразовательных средних школ, где могли бы получить среднее образование тысячи людей, которые по роду своей профессии не могут посещать очные школы.

И уж, во всяком случае, надо было бы издать достаточное количество учебных программ, заданий и пособий для людей, желающих заниматься самообразованием в объеме средней школы.

А в городах должны быть организованы пункты, где заочники могли бы получить необходимую консультацию.

Н. СОНИН

От редакции. Вопрос, который поднимает в своем письме Н. Сонин, волнует многих, и прежде всего людей, периодически находящихся в служебных поездках и командировках.

Характер работы лишает их возможности посещать вечерние школы для взрослых, и наиболее удобным им — учиться заочно.

Но заочных средних школ сейчас так мало, что осенью прошлого года тысячам желающих было отказано в приеме: только в Москве не поступило около шести тысяч человек.

В этом году намечено открыть 22 новых школы, но только в районах целинных земель.

Существующие школы работают, как правило, в трудных условиях. Например, Московская областная школа ютисера в нескольких тесных комнатах.

Не обеспечены помещениями заочные школы в Туле, Якутске и других городах. В Омске такую школу пытались выслать из здания, которое она занимает.

Разнобой в оплате педагогов затрудняет подбор кадров для заочных средних школ.

Учителя здесь почему-то получают на 15—20 процентов меньше, чем в обычных школах, а прослужив 25 лет, не имеют права на педагогическую пенсию.

В своем письме тов. Сонин справедливо указывает, что до сих пор не издаются учебники, программы и другие пособия для самообразования.

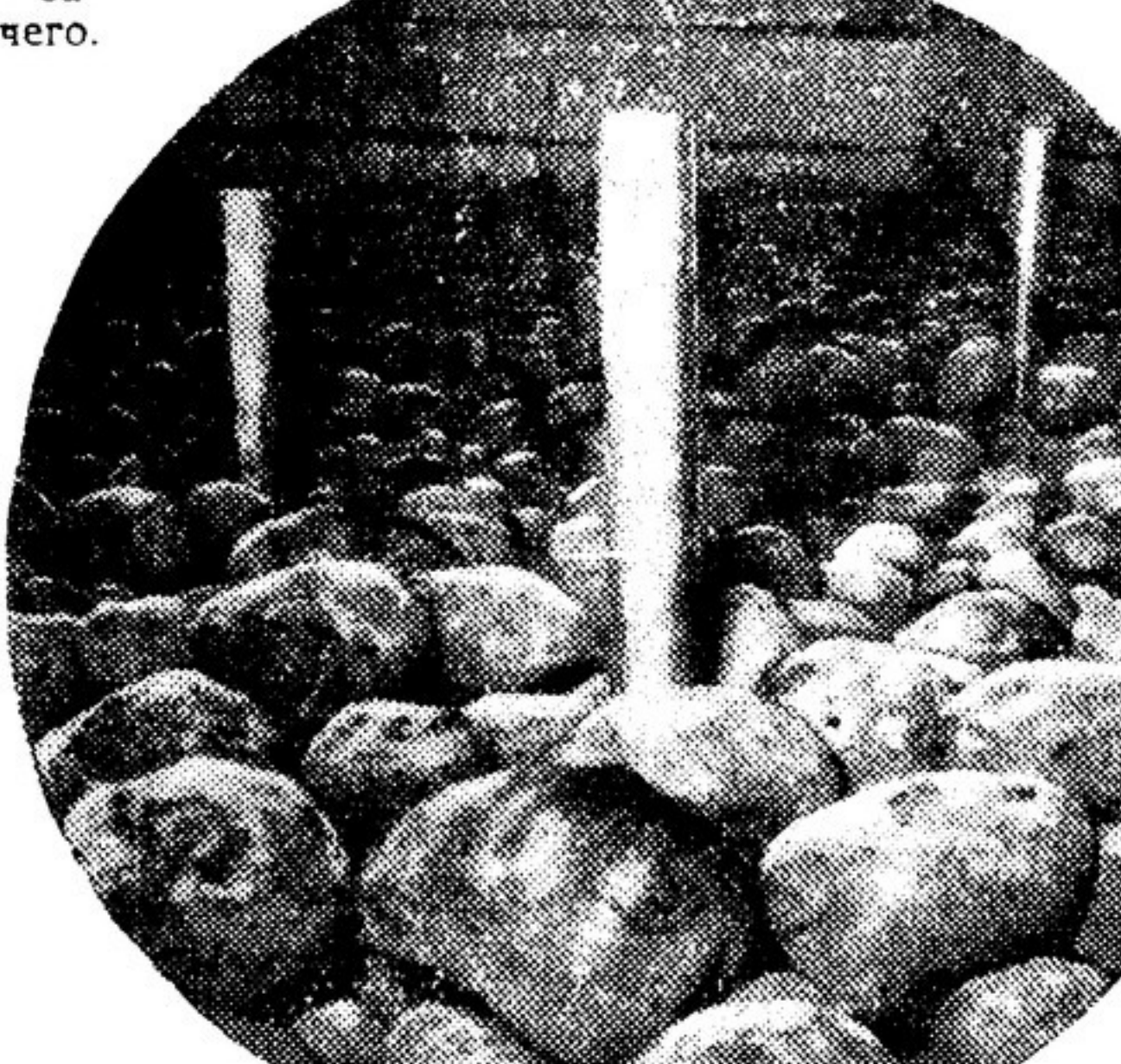
Правда, Училищный ежегодник выпускает для заочных школ учебно-методические задания по некоторым предметам, но, к сожалению, они доходят до учащихся с опозданием.

В Министерстве просвещения РСФСР не прочь составить на всевозможные трудности, мешающие организации новых заочных школ.

Но что мешает министерству наладить работу существующих школ, наладить регулярный выпуск и рассылку необходимой заочникам учебной и методической литературы? Думается, что без особых сложностей можно увеличить и сеть консультационных пунктов, — многие из них можно открыть на базе школ рабочей молодежи.

И, наконец, надо специально заняться организацией обучения заочников, находящихся в разъездах. Они имеют все основания требовать этой заботы о себе.

АТОМНУЮ ЭНЕРГИЮ — НА МИРНЫЕ ЦЕЛИ

жать прорастание можно с помощью ртутных лучей. Но ртутенаские установки дороги, а овощи — продукт дешевый, пришлось бы, как говорят, тратить рубль для сбережения пятаков.

К тому же, мысленное дело пропустить через рентген миллионы тонн продуктов, находящихся в тысячах хранилищ колхозов, совхозов, городов.

Надо было найти такой источник излучения, который работал бы сам, не требуя сложных устройств, был бы дешев и прост в обращении.

Отыскать его в нашей стране, где атомная энергия направлена на мирные цели, оказалось возможным делом.

Научно-исследовательский институт консервной промышленности вел эту работу вместе с Институтом биофизики Академии наук СССР.

Там радиоактивный кобальт был изотопом знакомым, привычным, используемым многообразно. Он выделяет те же гамма-лучи, что и трубка рентгеновского аппарата.

Он дешевле настолько, что все ампулы радиоактивного изотопа, приемы хранящиеся в знакомом уже нам оловянной хранилище, сто ят лишь несколько сотен рублей.

Излучением же их можно пользоваться очень долго.

Все это и открыло кобальту-60 дорогу в опытные овощехранилища, где ему поручено было позаботиться о сохранении картофеля. И как мы смогли в этом убедиться, он добросовестно выполняет работу, заданную ему человеком.

Новые перспективы — Выходит, что скоро осуществится то, о чем мечтает товарищ Вяткин? — спрашиваем мы.

— Скоро? — задумчиво говорит Елизавета Николаевна. — Возможно, что и скоро. Но раньше многое еще надо узнать, продумать и придумать.

Работа с радиоактивными препаратами требует умения, знаний и особых устройств, которые позволили бы пользоваться ими, не приближаясь к кобальту. И, конечно, надо обучить обращению с ним, управлению тысячами будущих аппаратов большое количество людей.

К тому же, и о воздействии радиации на картофель мы знаем далеко не все.

— Так, может быть, его после облучения и есть не следует? — спрашиваем мы.

— Вы насчет радиоактивности? Она исчезает тотчас же после облучения. А картофель сохраняет все свои качества, весь вкус и питательность. Однако и у него есть свои загадки, правда, ныне...

Перед учеными встало несколько таких загадок. Вот лежат тонны крупных сероватых клубней, лежат спокойно, не чувствуя, что солнце уже начало пригревать снега.

Какие процессы происходят в это время там, внутри, в плотном, сочном теле клубня? Убивает ли облучение в нем жизнь, усыпляет ли зиминым холодом?

Нет, они лишь погружают ее в более глубокий сон. В одной из лабораторий Научно-исследовательского института консервной промышленности можно увидеть прибор со сложным переплетением тонких стеклянных трубок.

Он улавливает и измеряет дышание картофеля. Облученный картофель дышит медленнее, сон его более глубокий, чем у необлученного.

Возможно ли прервать этот сон? — Можно, — отвечает наша собеседница. — Вопрос этот и нас интересовал. Чтобы получить ответ на него, Любовь Ивановна послала облученную и, для контроля, обычную картошку.

Контрольная — та сразу в рост пошла, опытная же долго не хотела расти, с большим запозданием дала первые ростки. А потом долгая контрольная и даже перепалла. Ее урожай был немногим больше, чем у контрольной. Интересный опыт, но только первый.

Есть и еще один вопрос, пока еще не решенный: а нельзя ли использовать кобальт для хранения не только картофеля, но и самых различных овощей, и как его следует применять? Работы, как видите, впереди много...

СЕРЕБРИСТЫЕ ТРУБКИ

РЕПОРТАЖ

И увидя, что фотокорреспондент снова нацелил свой аппарат, она говорит ему: — Здесь можете подойти поближе, никакого излучения нет. Этот картофель уже принял свой сеанс облучения.

Правда, сеанс был довольно длительный — 60 дней. Но зато с тех пор он не прорастает и сохраняет свои питательные и вкусовые качества. Долго ли он может так лежать? Пока не знаем, для ответа на этот вопрос нужно время...

Просторная улица, вдоль которой длинными рядами выстроились овощехранилища. Десятка полтора рабочих возводят здесь высокие снеговые горы. К нам подходит руководитель этих работ Сергей Антонович Вяткин.

— Видите, сколько мороки, чтобы сохранить картофель хотя бы до лета, — говорит он. — Сколько средств и человеческого труда! Вот закончит Елизавета Николаевна свою работу, тогда и мы перестанем в снежки играть. Атом — он работник!

В поисках лучей Ежегодно миллионы тонн самых различных овощей поступают в овощехранилища страны. Всю эту неисчислимую массу ценных продуктов надо хранить в течение нескольких месяцев, пока не соберут новый урожай.

А хранение их стоит большого труда и не всегда проходит успешно. Предотвратить порчу, упростить и удешевить трудное дело длительного хранения овощей — вот ради чего была предпринята эта работа.

Началась она в 1953 году. В то время любому специалисту было известно, что задерживать рост картофеля можно с помощью радиоактивного кобальта-60.

— Не так далеко, — останавливает его Заостровская. — Хотя и слабая радиация, но все же...

Радикация вместо снега Чем отличается этот способ хранения картофеля от обычного, применяемого сотни лет? Когда картофель выращен, собран, свезен с поля, — кончатся заботы агрономов и колхозников. Но тут же начинаются заботы заготовителей: картофель надо сохранить в течение долгих месяцев, до нового урожая, свежим, питательным, вкусным.

Сделать это трудно: картофель — продукт капризный. Пока стоит зима, пока холодно, забот с ним сравнительно немного: только уберечь от сильного мороза. Но как только зима подходит к концу и в воздухе едва повеет теплом, растительные силы, дремлющие в клубнях, просыпаются.

«Глазки» открываются, выбрасываются тонкие нити ростков, — картофель прорастает. И тогда многие тысячи тонн этого столь нужного для человека продукта отвергаются покупателями: в ростки уходит все, что придает картофелю вкус и питательность.

Как избежать этого? Сила жизни велика и в картошке. Одолеет ее нелегко. До настоящего времени с прорастанием борются тем, что не дают картошке почувствовать наступление весны. Ее держат в земляных буртах, холодных погребах, в темноте, в прохладе. В городских хранилищах еще зимой готовят снеговые склады со стенами метровой толщины.

Так удается иной раз сохранить картофель до середины лета. Но достаточно отправить его в магазины или столовые, где нет, конечно, снеговых буртов, — он немедленно просыпается и спешит навстречу упущенному времени.

— А вот картофель, облученный радиацией кобальта-60, не прорастает. — Никогда? — Ну, на это еще трудно ответить. Вот здесь, — Заостровская ведет нас к соседнему закрому, — лежит урожай позапрошлого года. Полтора года лежит он без снега — и в весеннее тепло и в летнюю жару...

Что произошло с картофелем после облучения? Л. Архипова высказывает это в своей лаборатории. Фото А. Липина

Сила чувства В. СУХАРЕВИЧ

Большую произведение искусства каждая эпоха выводит свой приговор. И тот, кто берется от имени нашего общества судить героев классического произведения, должен проявить величайшую осознанность. Перед ним многообразие жизни, противоборство чувств, сложнейший следственный материал, в котором не сразу раскрывается правда «по делу», все «за» и «против». Но как часто забывают об этом инстинктивные инстинкты романа или пьесы в стремлении расшифровать социальную сущность героев, вынести им приговор. Во имя примитивной ясности они обделяют чувства и переживания героев, упрощают их психологию.

Два столичных театра выступили со спектаклем «Чайка» — имени Вахтангова и имени Станиславского, — и очень важно проследить, как истолковали они это сложнейшее произведение Чехова.

Новаторским открытием Чехова в истории мировой драматургии является то, что, опираясь на слова В. И. Немировича-Данченко, заменил старое действие, поверхностные сюжеты с нагромождением событий и происшествий — «поведением течением». За самым простым и ясным диалогом мы ощущаем ритм чувств и переживаний, причудливый полет воображения и течение подспудной мысли героев — так передается подлинная глубина и многообразие духовной жизни в чеховских пьесах. Причем чувства человеческие рождаются на наших глазах и умирают, люди постигают смысл бытия или теряют веру в жизнь, идут на полги или, наоборот, кончат самоубийством. Накал страстей в пьесах Чехова не уступает по своей силе страстям шекспировских трагедий, но их огонь — внутренний, затаенный.

Величайшая заслуга русского театра состоит в том, что его художники нашли средства для того, чтобы выразить высокие гуманистические идеи чеховской драматургии и все ее художественное своеобразие. Создав свои замечательные приемы сценического воплощения образов, отражающих время, его людей, его движущие силы.

крытие Чехова для театра принесли интуиция и чувство, а как утверждал Станиславский, «других путей у него не существует», потому что играть и ставить чеховские спектакли можно только тогда, когда понимаешь, что: «Их прелесть в том, что не передается словами, а скрыто под ними или в паузах, или во взглядах актеров, в излучении их внутреннего чувства».

Разгадка души — задача психологическая, а не математическая, и плохо, если, основываясь только на том, что лежит на поверхности, актеры и режиссеры стараются вывести прямолинейную и однообразную мораль из каждого образа.

Такой недостаток явно ощущается в спектакле Театра имени Евг. Вахтангова «Чайка», поставленном Б. Захаров. Глядя на сцену, все время испытываешь такое чувство, как будто там идет не знаменитая чеховская пьеса, а фрагменты и отрывки из нее. Театру не удалось передать ритм, настроение, подлинное течение пьесы. Почему же это произошло?

Прежде всего из-за невнимания к тому, «что не передается словами», к затаенным чувствам, незримым сердечным движениям. В этом спектакле вам все время кажется, что актеры торжествуют скорей, скорей все расскажут о себе, но ничего интересного рассказать не могут и торжествуют уйти со сцены потому, что плохо и не глубоко знают своих героев. А когда нет внутренней веры в чувство героя, — и говорить на сцене трудно, а молчать и вовсе нелегко. Поэтому так редки паузы в этом спектакле. Молчание на сцене обязательно должно быть многозначительным, но поводов для него отношения героев не дают. Почему?

Мне думается, главный порок спектакля состоит именно в том, что многие актеры и режиссеры пошли по пути прямолинейной расшифровки образов. Где каждый герой не вопрос, а ответ, где действие не процесс, не постановка личной, социальной и психологической проблемы, а приговор, сразу освобождающий нас от размышлений.

Как только на сцене появляется Треплев (Ю. Лойко), вы начинаете ощущать холодное разочарование. Лойко — Треплев покорен, стремителен, неврастичен, в нем почти все показано, и лишь немногие из чувств своего героя он выражает убедительно. Вот он жалуетесь на мать, на свою судьбу, но мы не слышим в его голосе горечи. Вот он говорит о своей любви к Нине, но нет в его голосе восторга, страсти, упоения. Хотя бы какому-нибудь из чувств отдался Треплев всецело, во всю силу души, но нет: неудачник, несостоя-

вшийся талант — его функция в пьесе. И непонятно почему, — видимо, потому, что Треплев декадент, — он сразу же совершенно развенчан. А ведь он любил и страдал, вынес унижения и обиды, был загублен людьми своего жестокого времени. Если бы яче предстала перед нами личность Треплева, мы бы ясно ощутили и ее социальную и ее человеческие свойства во всей их многогранности.

Еще более безжалостно «разоблачен» Тригорин. Видно, по мнению режиссера, он — человек ничейный и литератор бездарный. И поэтому исполнение этой роли А. Абрикосовым — лишь осуждение Тригорина за все его недостатки: личное, творческие, общественные. Рыцарь, апатичный, какой-то бесчувственный, он нехотя, лениво произносит текст роли. Именно текст, а не живое, полное прямо и скрытого значения слово. Ведь Нина удалось пропустить в этом сердце любовь. И какую! «Такой любви я не испытывала еще!». Вель Тригорина именно Нина заставила «возвратиться к жизни и немого сердиться», вызвала на горячую, честную, может быть, впервые в жизни прозвучавшую писательскую исповедь. Но Абрикосов холоден и в творческих признаниях и в излияниях любви, видимо, потому, что он, как герой «отрицательный», лишен права на высокие чувства и обрисован одной черной краской.

Мечта о счастье движет почти всеми героями пьесы Чехова. Но она, к сожалению, совсем, в сущности, не одухотворяет игры актеров Театра имени Вахтангова в этом спектакле.

Талантливая актриса Г. Пашкова в роли Нины Заречной остается одинокой и не встречает почти никакой поддержки партнеров в своем желании показать в первых трех актах Нину восторженную, чистую, поэтичную. В последнем акте, видимо, озлобленная больше всего тем, чтобы достичь победное торжество Заречной-актрисы, Пашкова почти забывает о том, что ее героиня полна смятения и печали о влюбленной любви и утраченной юности. Мы с грустью замечаем, что за два года, которые отделяют первые три акта от четвертого, Нина, и прежде не такая уж ясная и поэтичная, огрубела окончательно. Это подчеркнуто и гримом, и костюмом, и тандемной походкой. И о любви к Тригорину она говорит несколько, торжественно, как будто стыдись слов: «Люблю, люблю страстно, до отчаяния люблю». Нина нашла уже дорогу в жизнь и сама говорит о том, что она не чайка, а актриса, — это подчеркивает Пашкова. Но разве переживания «чайки» не обогатили актрису? Пашкова скорее рассуждает о Нине со сто-

Закончились Лед, погода, секунды

самые крупные конькобежцы соревновались в 1955 году — розыгрыш первенства Европы в Фалунах и мира — в Москве. В Фалунах в Москве победу одержал 24-летний талантливый шведский скоростной Сигте Эрикссон.

Он вполне заслуженно увенчан лавровым венком чемпиона мира. Эрикссон доказал свое превосходство в соревнованиях с сильнейшими конькобежцами четырех континентов, доказал убедительно, весомо. Московские зрители оценили не только великодушную скорость, показанную, особенно на длинных дистанциях, этим скромным продавцом спортивных товаров из маленького шведского городка Эстерсунда, но и его тактическое умение быстро приспосабливаться к условиям погоды, ала. Долог прокатывался по стадиону буря алодисментов и долго не мог остановить слез радости победителя.

«Публика на стадионе «Динамо» — пишет спортивный обозреватель шведской газеты «Экспрессен», — была настолько объективна, что едва ли Сигте Эрикссон могли бы больше чествовать у нас в Швеции».

Спортивная борьба требует упорства в достижении поставленной перед собой цели, трудолюбия, настойчивости. Победа, одержанная в Москве, досталась Эрикссону в результате восьмимесячной тренировки, потренировавшей, как он сам заявил, невероятного труда.

Спорт всегда остается спортом — никто не гарантирован от поражения в поединке с достойным противником. Но тот, кто остался сегодня вторым, завтра может быть первым. Наши возможности в этом отношении постоянно неумеряемы. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что Эрикссону пришлось выдержать очень острую борьбу с советскими мастерами, занявшими в чемпионате мира три последующих за победителем места.

Надо спокойно и трезво проанализировать причины неудач наших скоростных. Это должны сделать специалисты. Мы же обратим внимание на одну из причин, в которой, по моему мнению, повинны не столько сами спортсмены, сколько их тренеры, допустившие серьезный просчет. Ведь задолго до начала зимы они знали, что оба чемпионата будут проведены на обычных катках — в Фалунах и в Москве, где нельзя надеяться ни на особенно хорошее состояние льда, ни на особенно хорошую погоду.

Казаюсь бы, и тренеры надо было проводить в условиях, приближенных к этим, например на том же стадионе «Динамо». А проводились они, вопреки здравому смыслу, на зеркаланом льду высокогорного катка, в городе, под Алма-Атой, при идеальной холодной погоде. Проводился здесь и чемпионат СССР.

Наличие у нас этого высокогорного катка играет большую роль в улучшении техники конькобежцев, в развитии мировых рекордов. Но пользоваться им надо умело. Разве не было известно, ка-

кой длительный срок требуется для того, чтобы спортсмены, тренировавшиеся в высокогорном климате, могли приспособиться к равнинному климату? Сплет некоторых скандинавских конькобежцев, например, говорит о том, что после выступления в Давосе им не сразу удавалось показывать хорошие результаты на своих обычных катках. Эрикссон учел это: все свои тренировки он проводил на катках, приближенных к условиям Фалуна и Москвы.

А наши скоростные после длительного пребывания под Алма-Атой почти сразу выступили на мягком льду Фалуна, а затем в Москве, на задрюканном льдом дорожке «Динамо». И даже хорошая погода второго дня соревнования в Москве не могла помочь им. Не потому ли большинство наших конькобежцев не смогло выдержать ровного графика бега на длинные дистанции?

«Оранжевые» условия тренировки, а к слову, и самоуспокоенность после крупных успехов прошлых лет отомстила за себя. Многие мастера явно растерялись, у них не хватало ни волевых качеств, ни тактического мастерства, ни умения перестроить свой бег применительно к новым условиям. Только Олег Гончаренко, человек удивительного хладнокровия, порадовав московских зрителей выдержкой и неутомимостью.

Будем надеяться, что наши скоростные окажутся лучше подготовленными к следующим соревнованиям, в особенности к зимним олимпийским играм 1956 года.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Это фильм о русско-турецкой войне 1877—1878 годов, о войне, которая была популярна в русском обществе и нашла сочувствие в народе. Пять столетий турки западные славяне под властью Турции, и зверский режим, установленный тираними и вятичниками-пашами, возмущал каждого честного человека в России.

Царское же правительство использовало тяжкое положение славян под властью турок, главным образом, для распространения своего влияния на Балканах. Вместе с тем Александр II и его окружение рассчитывали, что война с Турцией отвлечет народ от самых насущных вопросов жизни страны и несколько умедлит революционное движение.

Война была трудной. В то время как в Петербурге решалась судьба Болгарии, западные державы готовились тайно помогать Турции. В фильме мы видим «действительность» международных дипломатов, старавшихся извлечь выгоду из русско-турецкой войны. Показаны и те, кто мешал народу выполнять его благородную миссию: бездарный, высокомерный главнокомандующий — великий князь Николай Николаевич, начальник штаба бездарный генерал Непокойчицкий и сам Александр II — сентиментальный и в то же время злой себоябец, одержимый страхом перед революцией, напуганный покушениями на свою «священную особу».

Тем не менее мы видим освободительную войну, не зависящую от тайных целей царского правительства. Зрителю раскрываются подлинные героические усилия русских солдат и болгарских добровольцев, форсирующих Дунай, обороняющих Шипкинский перевал, штурмующих Плевну, разгромивших армию Вессель-паша и победоносно завершивших кампанию. Освобождение Болгарии от ига турок было достигнуто единением русских и болгар, кровью скрепивших союз славянских народов. Эпизодом окончательного освобождения Болгарии спустя много лет были те незабываемые дни, когда Советская Армия избивала страну от гитлеровских оккупантов.

Эти эпизоды и заканчивается картина, созданная совместными усилиями киностудий «Болгарфильм» и «Ленфильм». Великая, нерушимая дружба советского и болгарского народов проявилась и в этом содружестве искусств двух стран. Не только болгарские артисты, исполняющие роли ополченцев-патриотов, но и солдаты болгарской Народной армии, участвующие в массовых батальных сценах, вместе с советскими художниками кино создали фильм «Герои Шипки».

Эпизоды фильма «Герои Шипки» воспроизведены в тех самых местах, где происходили события почти 80 лет назад, и по возможности в то же время года. Зима прошлого, 1954 года, когда снималась картина, была в Болгарии особенно суровой. Сложные, неоднократно повторявшиеся и повторяющиеся съемки батальных эпизодов происходили при сильном морозе и ветре. Тысячи болгарских солдат — их участников, поднимаемых по крутым, обледенелым горным тропам, штурмуя шипкинские высоты, — помогли с такой правдоподобностью и убедительностью снять батальные сцены фильма.

Эти кадры глубоко волнуют зрителей. Огромные массы движутся на поле сражения, вступают в борьбу с врагом, атакуют Шипкинский перевал... Но даже не в этих массовых передвижениях войск, мастерски запечатленных в фильме,

неосмотрительности — не они владеют чувствами, а чувства им.

Великолепно подготовлено первое появление Нины Заречной в первом акте. Молодой, дерзкий и очень озабоченный подготовкой спектакля Треплев — А. Головин стремителен и горяч. Это характер юный, локкий — он то важно отгадывает распоряжения рабочим, то торопливо сетует на свою судьбу в беседе с Соринским, и все оглаживается, все имеет чего-то, все желет. Это его главное чувство — ожидание. И вот пришла Нина. Как будто светом озарилось лицо Треплева. Их встреча, их беседа, их трепетный поцелуй прозвучали, как музыка юности. Коловское озеро, тихий вечер, темные воды и Нина — Л. Гриценко в светлом девичьем платье, хрупкая, изящная, простая. Может быть, она даже чуть-чуть наивней девушки, мечтающей о славе и отважившейся выступить пусть в домашнем театре, но она полна очарования и простоты.

И как-то эта первая сцена, очень светлая и ясная по своему поэтическому звучанию, сразу задает верный тон отношениям Нины и Треплева. Каждый их шаг, каждый поступок продиктован сложным, многогранным чувством и поэтому вызывает на размышления. Вот Треплев — он несколько мелодраматичен, когда владеет чашкой у ног Нины, но ведь он хот и не состоявшийся, но драматический талант. Немаю подчеркнутую важность в Трепеле в последней картине до прихода Нины, но ведь он уже не приживался — он писатель, он в столице печатает. Когда же и важничать, как не в юности. Но всю эту важность как ветром сдует, когда встретит Нина, — он астонет, почти заплачет, сознавая, что хот и пришла слава, но любовь не удалась. А эта любовь — большая, сильная, единственная на всю жизнь! Вот в чем убедил нас актер, рассказавший горькую правду о судьбе своего героя, заставивший нас полюбить его и пожелать о нем.

С удивительной тонкостью и точностью, с настоящим поэтическим вдохновением играет Л. Гриценко Нину. Как нежно и крококо смотрит она на Треплева, как безмятежна и тепла ее любовь к скромному юноше. Но вот в глазах Нины появился другой огонь, иным, порывистым стали движения, иначе зазвучал голос. Появился Тригорин. Нина влюблена. В неуловимых движениях, вначале угловатых, девичьеских, появилось женственное — и безотчетно порывистое, и подчеркнута грациозное. А в голюсе — и восхождение, и радость, и певучая страсть. Пришла большая любовь вместо маленькой и спокойной, почти детской.

Меня поразила Нина в последней сцене.

сила воздействия батальных картин, — она рождена тем, что люди, занятые в съемках, сумели показать гнев и ненависть к врагу, перелить братские усилия русских и болгар в кровавых схватках с жестоким противником.

«Герои Шипки» — это, по сути дела, хроника исторических событий, лишенная сюжета. Нет в фильме и крупных, многогранных характеров. Поныты трудности, которые стояли перед автором сценария А. Первенцевым, однако, думается, напрасно отказался он от раскрытия исторических событий через образы героев.

Поврекло развитие сюжета и то, что фильм, задуманный первоначально как двухсерийный, был затем доведен до одной серии. Чувствуется, что это достигнуто не творческой переработкой, а механическими сокращениями.

Постановщик Сергей Васильев — один из двух создателей незабываемого фильма о герое гражданской войны Чапаеве. Зрители с радостью убеждают в том, что и в этой картине ярко проявилось мастерство режиссера. С. Васильев создал грандиозную панораму военных действий, передав напряженный ритм боя, величие духа простых воинов. Русские солдаты и болгарские ополченцы вызывают симпатии зрителей. И. Черевверев, В. Андришко и особенно Г. Юматов (Сашко Козарь), К. Сорочкин (Макар Лизюта) воплотили в образе солдат и терских казаков замечательные качества русских воинов — непреодолимую стойкость, упорство в бою, хотя эпизодичность ролей и помешала им создать глубокие, значительные характеры.

В ролях болгарских ополченцев мы увидели болгарских артистов: С. Лейчева, А. Карамитева, П. Кардуковского, С. Лейчева в роли Панайота создает героический образ патриота, подвизавшегося на унетеленной. Артетски Ж. Волянова и К. Чукова темпераментно исполняют роли болгарских девушек-воинов.

Среди выведенных в фильме генералов благородным примером доблести является Михаил Дмитриевич Скобелев, заслуживший огромную популярность в русско-турецкой войне. Е. Самойлов не увлекается внешней картинностью, к которой, казалось бы, наталкивала роль, — он подчеркивает в своем герое черты человека беззаветно храброго, понимающего, что его смелость зажигает мужеством сердца солдат.

В фильме изображен знаменитый художник Верещагин, который вместе с русскими войсками прошел трудный, но славный путь и отразил тяжкие будни солдат на Шипкинском перевале. К сожалению, Верещагин, как и некоторые другие действующие лица, показан однообразно: слишком часто он появляется с альбомом в руках, делает зарисовки. Такое «мелькание» мало запоминается, и гораздо правильнее было бы дать артисту два-три, но впечатляющих эпизода.

Высокой оценки заслуживает работа кинооператоров и художников фильма. Многие кадры напоминают замечательные верещагинские полотна. Превосходны в цвете сцены на природе, но в некоторых эпизодах, снятых в павильоне, цвет времени кажется навязчивым, грубо олеографичным.

Фильм «Герои Шипки», созданный киноматографами СССР и Болгарии, — новое подтверждение старой дружбы и единения двух народов.

Кадр из фильма «Герои Шипки»

Певец свободы

Горячие стихи и песни поэта Юхана Раю — героя оперы известного эстонского композитора Эугена Каппа «Певец свободы» — стали рязанием и побеждающим оружием. С ними народ шел на борьбу за свободу, за счастье. Опера посвящена поэту Юхану Сютисте, светлая память о котором дорога каждому эстонцу. Эстонцы преданно чтут имя Юхана Сютисте — истинного певца свободы, отдавшего свое горячее сердце поэту народу.

Тяжелую жизненную школу пришлось пройти Сютисте. Сын рабочего, он был и в пастухах у кулака, и разношочком газет, и учеником часовщика. Через всю свою жизнь поэт пронес горячую любовь к тем, кто трудится. В буржуазной Эстонии в самые мрачные дни фашистской диктатуры он писал о мозолстых руках труженика:

...Народы этими руками историю меняют ход. Я их в далеком прошлом вижу. Они Бастилию снесли, под гальтиной поделки они Людовика в Париже; на берегах Невы они царя кровавого свалили; благодаря их стойкой силе Мадрид держался в наши дни!

(Перевод П. Железнова)

Сютисте в эти годы выступает как поэт-бунтарь, остро ненавидящий притеснителей, страстно мечтающий о счастливом будущем родной земли.

И пора эта наступила... Горячими и популярными стихами встречает Сютисте создание в 1940 году Эстонской Советской Социалистической Республики.

Его поэма «Земля поворачивает на восток» явилась первым крупным произведением эстонской советской поэзии. Растущее ощущение поэта, который «каждою клеткою тела» чувствует, что «земля поворачивает на восток», масштабность и сила образов — он видит себя «с новым миром в объятиях», слова, что «как молния, все озаряют светом», — облекают поэму Сютисте с творчеством его любимого поэта Маяковского.

В первые же дни Великой Отечественной войны Сютисте стал в ряды защитников советской Родины. В рядах рабочего полка он участвовал в героической обороне Таллина осенью 1941 года. Тяжелая болезнь приковала его к постели. Больной, физически надломленный, Юхан Сютисте попал в руки фашистских оккупантов, но мучения в тюремных застенках не смогли сломить боевого духа поэта. Стихи, написанные им в это тяжелое время и вошедшие в сборник «Душные дни», полны яростной ненависти к поработителям. В фашистской веледе поэт не сломлен и верит, что вырвется на свободу и отомстит врагам. Его написанные кровью стихи зовут к борьбе, к мщению.

С невероятной энергией приступил Сютисте к работе в подпольном издании Таллина, над которым снова радостно взвился красный флаг свободы. Менее чем за два месяца Сютисте написал историческую драму «Псы-рыцари». В дни разгрома фашистов — последний немецкий поворачиватель — тема борьбы с известными угнетателями эстонского народа была особенно близка автору и его читателям. Сютисте создал еще две пьесы, посвященные событиям Великой Отечественной войны, — «Лавина идет» и «Лавина рушится», и начал работу над автобиографической повестью.

Но фашистская неволя подорвала зоркость Сютисте. В феврале 1945 г. перестало биться сердце поэта.

Глубокая и светлая поэзия Юхана Сютисте, поэзия любви и ненависти, труда и борьбы, мужества и нежности живет и верно служит народу.

Пауль РУММО

В Союзе писателей СССР

В Союзе писателей СССР состоялась встреча советских литераторов, критиков и переводчиков с молодым польским писателем Богданом Ченко. Б. Ченко — автор широко известной в Польше книги «Коловское», повествующей о борьбе польской молодежи против гитлеровских оккупантов. По просьбе собравшихся писателей осветил состояние современной польской литературы, рассказал о наиболее выдающихся произведениях прозы, поэзии и драматургии. Он говорил об интернациональном значении Второго всепольского съезда советских писателей.

Б. Ченко было задано много вопросов, касающихся различных сторон литературной жизни Польши и творческих планов писателя.

Новые книги

Башкирская советская драматургия. Перевод с башкирского. «Искусство». 332 стр. Цена 11 руб. 20 коп.

Бушман А. Роман А. Фалеева «Разгром». «Советский писатель». 240 стр. Цена 5 руб. 75 коп.

Даренко П. Сердце коммуниста. Стихи. Перевод с молдаовского. С. Северцева. Книшнев. Государственное издательство Молдавии. 180 стр. Цена 2 руб. 30 коп.

История украинской литературы. В двух томах. Т. I. Киев. Издательство Академии наук УССР. 759 стр. Цена 20 руб.

Мауцев Н. Советская художественная литература и критика. 1952—1953. Библиография. «Советский писатель». 299 стр. Цена 11 руб. 50 коп.

Саянов В. Лена. Роман. «Советский писатель». 656 стр. Цена 11 руб. 15 коп.

ПАВЕЛ Антокольский дал своей новой поэме скромное заглавие — «В переулке за Арабатом» (журнал «Новый мир», № 11, 1954). В один из старых московских переулков приводит своего героя автор в начале поэмы, в том же самом переулке встречается с ним поэт и в заключительной части. Казалось бы, вот типичный пример композиционной «косяка», соединяющего конец с началом при помощи счастливого возвращения героя в родные места после долгих лет испытаний. Но вдумавшись в страстный голос повествователя, ощущаешь всю лирическую напряженность последних строк произведения — и понимаешь, что здесь не простое скользящее, здесь сжатая в кольцо пружина. Счастливого возвращения героя поэмы после странствий по дорогам войны — не обычный эпизод, а как бы новый пролог к его будущей творческой работе, к новым испытаниям и подвигам. Сам автор на это намекает при описании встречи Ивана Егорова с женой:

И обнял он ее за плечи, Не прятая мокрого лица И ждал. И нет конца их встрече. Да и в поэме нет конца.

Нет конца в поэме потому, что сюжет ее выходит за пределы личного существования Егорова, это — тюрмная история нашей, советской жизни. Не как бытописатель изображает автор и старый переулочек за Арабатом, а как поэтический летописец современной Москвы. Недаром во вступлении он обращается к Москве с призывом помочь ему услышать «самой историей шага».

Историческая тема задана близка поэзии Антокольского. Со страниц его книг 20-х и 30-х годов ведают брабантике герцога, трагические образы Робеспьера и героев Парижской Коммуны, беспутный и гениальный поэт Франсуа Вийон, Пушкин и Мицкевич и памятник Петра... Антокольский воспринимал эти образы не бесстрастно, он переживал их, он переносил их историю в свои стихи, что было дорого и ненавистно ему как советскому человеку. Но пускай он давно уже в это время отвернулся от «рифмоплетов», которые не видели ничего вокруг себя, «глаз века по томам», — все же в его стихах 20-х — 30-х годов декорации истории нередко заслонили декорации лиц современности, да и в самих исторических персонажах давала себя знать некоторая книжность. В творчестве Антокольского громоздкие исторические декорации орокулируют Отечественную войну. Это не значит, что он изменил своему органическому тяготению к истории, — но в его лучших стихах 40-х годов сама современность становится для поэта творимой историей. Так, строки «После антифашистского митинга...» продиктованы поэту ощущением того, что «на полях нашей славной земли, превращенных в поле боя,

...ренаются судьбы на много веков Всех народов и материков...

Чувство истории и чувство современности начинают сливаться для Антокольского в одно целое. Вместо «военного пергамента» историческим документом служит теперь поэту «старая карта, в отпечатках, в седлании боя» («В ночь на седьмое»). Безмятежный герой Отечественной войны, один из многих — тем и сильный, что это один из многих, — становится излюбленным персонажем Антокольского («Баллада о мальчишке, оставшемся неизвестным», «Черноморская баллада» и др.). Сами образы прошлого помогают Антокольскому поэтически осмыслить борьбу советского народа за свою жизнь и счастье.

И все-таки образы советских людей не вполне еще обрели у Антокольского в 40-е годы ту теплоту и конкретность, которая придает поэзии совершенно особую красоту и силу. Исключение составляет поэма «Сны», где автор бережно сохранил индивидуальные черты, рисующие характер, интереса, увлечения, весь ипохондический облик младшего лейтенанта Владимира Антокольского, своего сына, погибшего на войне в 1942 году. Но какой же ценной завет автору эта художественная конкретность!

Новая поэма Антокольского свидетельствует о том, что обращение к последнему миру советского человека, совершенному автором поэмы «Сны», не было одной только данью отцовской скорби. Поэма «В переулке за Арабатом» повествует о детстве, юности и зрелых годах одного из рядовых людей нашей страны. Сам поэт характеризует забравший им сюжет как «сюжет из многих биографий». Но Антокольский заставляет читателя с волнением следить за судьбой Ивана Егорова, а самый ритм авторской речи, разрывающий слово между

литература в школе

О новых программах по литературе и о месте этого предмета среди других учебных дисциплин средней школы стоит поговорить серьезно.

Нужно сказать, что знакомство с новой переработанной программой, изданной в 1954 году, не приводит к выводу об ее удешевлении и усовершенствовании, а, наоборот, заставляет заметить достоинства старой. Так, в старой программе творческий труд каждого писателя намечался хотя бы важнейшими вехами и давался на вполне отчетливом историко-литературном фоне; каждому этапу истории русской литературы посвящалась небольшая, но содержательная необходимая свещения обзор. Теперь же курс литературы содержит лишь три «обзора», по одному на каждый год обучения. Естественно, что это не дает нужного представления об особенностях литературного процесса того или иного периода, неполно освещает историко-литературный фон эпохи. Совершенно выпали из программы целые периоды, например 30-е, 40-е и 80-е годы прошлого столетия. Ряд монографических тем, лишенных всякой исторической опоры, помещает в воздухе, и в их числе тема «В. Г. Белинский», с которой начинается курс 9-го класса. Так как ничего не сказано о 70-х — 80-х годах, то затрудняется изучение не только Щергина, Толстого и Чехова, но и Некрасова с его поэмой «Пою на Руси жить хорошо», подлежащей подробному анализу в классе.

В число обязательных задач составителей новой программы принадлежат переименование общепедагогических классификации в заключительный раздел литературы XVIII века. Произведения классицизма изучаются прежде, чем о нем само мало понятие. В свою очередь о реализме ученики должны узнать в первом «обзоре» XIX века, без всякой предварительной характеристики классицизма и романтизма.

Не найдем мы отрадной картины и в программе 10-го класса. На протяжении первого полугодия изучается творчество пяти крупнейших советских писателей вне общего развития советской литературы. На втором полугодии запланирована тема — «Основные черты советской литературы и пути ее развития». Всего лишь за 12 часов учитель должен ознакомить учащихся с особенностями советской литературы и познакомить в общем виде ее историю, поспешно заполняя пустоты вокруг пяти центральных фигур при помощи материала упреждающих «обзоров», то есть фактически удвояя этот материал на его законное место.

В новой программе из большинства монографических тем устранена обзорная характеристика важнейших произведений писателя. Освободившееся время используется для более детального изучения одного произведения, поставленного в центр внимания. Спорно нет, само это произведение учащиеся усвоят лучше. Но каковы окажутся их сведения о других произведениях писателя, о его творческой эволюции? При такой системе выписки средней школы будут знать не Гоголя, а поэму «Мертвые души», не А. Островского, а его драму «Гроза», не Шолохова, а роман «Поднятая целина», не в конечном счете, не историю отечественной литературы, а лишь некоторые ее произведения.

Между тем объяснительная записка к программе требует от учителя «разъяснять историческую закономерность литературных явлений... дать представление о социальном историческом обусловленности литературных явлений, об общественно-политической роли литературы на различных этапах освободительной борьбы народа». Но разве сама программа в ее новом виде не принижает вплоть до нуля исторический аспект, не лишает учащегося возможности увидеть в сказанном выше видно, что измененная программа грубо нарушает принципы исто-

ПОЭМА ВРЕМЕНИ

Валентина ДЫННИК

не помогает достигнуть этого художественная правдивость изображения. Так в поэме сообщается, что ребяташи из детдома обнаружили в сарае набор инструментов:

То был верстак и нелый ящик Стамесок, молотков и пил, Зубастых, острых, настоящих!

Одно это слово «настоящих!» лучше пространных пояснений передает, как вступает к жизни делу маленький Ваня Егоров и его товарищи. Когда Иван пишет письмо Жене, своей недавней спутнице и будущей невесте, то в этом письме, где упоминается и сифицкая каменная баба, и поджачная пара, полученная им за хорошую работу в Донбассе, в этих строчках, но-малышески развязно переперекрутых огромную приписку «Ау, Москва!», мы узнаем первое, робкое и деловитое чувство юности. Когда, уже по возвращении с войны, Егоров говорит жене, что он за тем и сражался с фашистами, «чтоб в это утро спроевое Москве на советскую послужить», а затем, смущенно торжественно собственными словами, отходит к окну, — нам без авторских комментариев понятно его смущение, как бытает понятен малейший оттенок в голосе, в выражении лица родного человека.

Вот Егоров, уже не юноша, уже начинающий седесть, возвращается в Москву после долгих лет военной службы и видит, что мечта его юности, мечта строителя, осуществилась без него. Сама композиция поэмы подчеркивает драматизм этого момента в биографии героя. Еще в начале поэмы Иван, воспитанный детдома, создавал в своих мальчишеских набросках великодушные авеню новой Москвы, рассказывая о них своему воспитателю. Почти дословно повторяется это описание в конце поэмы, когда герой видит новую Москву уже не в мечтах, а вблизи.

Вот, вот они — театры, арки, Трибуны, башни, корпуса Жилых домов, большие парки...

Сам читатель испытывает как бы некоторое отторжение за героя при мысли, что все это «сегодняшнее торжество» добыто другими людьми, пока Егоров не солдатскую службу. Но так хорошо уже знает Егорова, его скромное мужество и творческое упорство, что верши решение, которое он принимает:

И трезво, весело и просто Он скажет: — Как там ни крути, Мне, может, не хватает роста, Но предостен мне расти.

Так индивидуальность и художественная конкретность образа не заслоняют, а подчеркивают его типичность.

Поэт верен своему обещанию — не приукрашивает биографию героя. Повествуя о человеке, надолго оторванном войною от своей любимой профессии, Антокольский не прибегает к фериическому финалу, где герой с необычайной легкостью возвращался бы к своему привычному труду, одержал бы блестящую победу в области мирного строительства. Нет, «взамен театров и хором» Егоров преобретает простое здание школы. И вместе с тем биография Егорова не превращается в повествование об утраченных иллюзиях. В этом седеющем человеке мы узнаем все ту же упорную жажду строительства, которая владела им в детстве и в юности.

Близость между поэтом и героем определяется всем тоном повествования. Так, говоря о первых встречах Егорова с Женей, поэт превращает свой рассказ лирическим обращением к любимой женщине, вспоминает свидание с нею в снежном парке:

И стоны скрипок отдаленных, Предчувствия ход весны, И отклик скрипкам в миллион: Звенящих капель тишины — Все эту музыку вселенной, Которая, из века в век, Препудет чистой и нетленной, Чтوب радовался человек...

Приято именовать такие строки авторскими отступлениями. Но в этом «отступлении» Антокольский, по существу, прибегает к своему герою, как бы сливая с его чувствами собственную лирическую тему. Такая же лирическая близость автора к герою ощущается и в той части поэмы, где демобилизованный Егоров возвращается к жене. Автор как бы шагает рядом со своим героем, вместе с ним узнает примечательное московское утро, и самый ритм авторской речи, разрывающий слово между

двумя строчками стихов, звучит согласно с прерывистым дыханием героя, уже подумавшего о своей семье:

Не задохнуться только, не задохнуться только бы сейчас!

Правда, другие персонажи не нашли в поэме такого целостного воплощения. Небрежно, а потому и несколько шаблонно, очерчен у Антокольского образ Болдина, чудакотавого воспитателя детдома, а впоследствии — старого профессора, влюбленного в археологию Москвы. Духовная жизнь Жени, молоденькой девушки покинувшей родной дом, чтобы играть в театре, ее отношение к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, безликими чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене уделялось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Горе от ума». Но упоминается о ролях, «выученной наузубок», о стесненном актрисе криволинейном или о задиристом волеясе худука: «Луская завидует Завадкей!» — все это лишь узко-профессиональные подробности эпизода. Характерно, что и зрительный ряд представлен только фигурами «соперничающего худука» да «записного пенителя», циркачского вечным пером. Чтобы нагляднее представить себе, как облекает поэт свою тему, достаточно сравнить эту часть поэмы с 34-й главой романа К. Федина «Необыкновенное лето», аналогичной по ситуации — начинающая актриса вместе с актерским молодым коллективом впервые выступает перед зрителями. Здесь не забыты и профессиональные подробности, но в какое значительное событие вырастает этот эпизод у Федина! Как верно изображает, например, писатель, сидящих в зрительном зале красноармейцев, которые «в прощальных манерах трагедии» искаивают на свой язык «колдовскую декламацию» театрального героя. У Федина дебют Аночки дан как подлинное начало прекрасной жизни — жизни советской женщины, станет или не станет она актрисой. У Антокольского премьера — лишь обстановка для свидания Жени с Егоровым.

Следует говорить, что по самому замыслу поэта и по жанровым особенностям избранной им формы главное место в поэме занимает образ Ивана Егорова, на котором и должно быть сосредоточено поэтическое освещение. Но и этот образ становится временем менее убедительным, чем хотелось бы, из-за некоторой незавершенности окружающих его персонажей. Досадно, что образ героя заметно теряет свою конкретность и теплоту именно к концу поэмы, т. е. там, где, по замыслу автора, победу зовут, там, где, по замыслу автора, победу зовут, там, где, по замыслу автора, победу зовут, там, где, по замыслу автора, победу зовут.

Итак, поэма «Поэма времени» Валентины Дынник — это поэма о жизни и труде советского человека, о его борьбе за счастье и за будущее своей страны. Поэт верен своему обещанию — не приукрашивает биографию героя. Повествуя о человеке, надолго оторванном войною от своей любимой профессии, Антокольский не прибегает к фериическому финалу, где герой с необычайной легкостью возвращался бы к своему привычному труду, одержал бы блестящую победу в области мирного строительства. Нет, «взамен театров и хором» Егоров преобретает простое здание школы. И вместе с тем биография Егорова не превращается в повествование об утраченных иллюзиях. В этом седеющем человеке мы узнаем все ту же упорную жажду строительства, которая владела им в детстве и в юности.

Близость между поэтом и героем определяется всем тоном повествования. Так, говоря о первых встречах Егорова с Женей, поэт превращает свой рассказ лирическим обращением к любимой женщине, вспоминает свидание с нею в снежном парке:

двумя строчками стихов, звучит согласно с прерывистым дыханием героя, уже подумавшего о своей семье:

Не задохнуться только, не задохнуться только бы сейчас!

Правда, другие персонажи не нашли в поэме такого целостного воплощения.

Небрежно, а потому и несколько шаблонно, очерчен у Антокольского образ Болдина, чудакотавого воспитателя детдома, а впоследствии — старого профессора, влюбленного в археологию Москвы. Духовная жизнь Жени, молоденькой девушки покинувшей родной дом, чтобы играть в театре, ее отношение к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, безликими чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене уделялось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Горе от ума». Но упоминается о ролях, «выученной наузубок», о стесненном актрисе криволинейном или о задиристом волеясе худука: «Луская завидует Завадкей!» — все это лишь узко-профессиональные подробности эпизода. Характерно, что и зрительный ряд представлен только фигурами «соперничающего худука» да «записного пенителя», циркачского вечным пером. Чтобы нагляднее представить себе, как облекает поэт свою тему, достаточно сравнить эту часть поэмы с 34-й главой романа К. Федина «Необыкновенное лето», аналогичной по ситуации — начинающая актриса вместе с актерским молодым коллективом впервые выступает перед зрителями. Здесь не забыты и профессиональные подробности, но в какое значительное событие вырастает этот эпизод у Федина! Как верно изображает, например, писатель, сидящих в зрительном зале красноармейцев, которые «в прощальных манерах трагедии» искаивают на свой язык «колдовскую декламацию» театрального героя. У Федина дебют Аночки дан как подлинное начало прекрасной жизни — жизни советской женщины, станет или не станет она актрисой. У Антокольского премьера — лишь обстановка для свидания Жени с Егоровым.

Следует говорить, что по самому замыслу поэта и по жанровым особенностям избранной им формы главное место в поэме занимает образ Ивана Егорова, на котором и должно быть сосредоточено поэтическое освещение. Но и этот образ становится временем менее убедительным, чем хотелось бы, из-за некоторой незавершенности окружающих его персонажей. Досадно, что образ героя заметно теряет свою конкретность и теплоту именно к концу поэмы, т. е. там, где, по замыслу автора, победу зовут, там, где, по замыслу автора, победу зовут, там, где, по замыслу автора, победу зовут, там, где, по замыслу автора, победу зовут.

Итак, поэма «Поэма времени» Валентины Дынник — это поэма о жизни и труде советского человека, о его борьбе за счастье и за будущее своей страны. Поэт верен своему обещанию — не приукрашивает биографию героя. Повествуя о человеке, надолго оторванном войною от своей любимой профессии, Антокольский не прибегает к фериическому финалу, где герой с необычайной легкостью возвращался бы к своему привычному труду, одержал бы блестящую победу в области мирного строительства. Нет, «взамен театров и хором» Егоров преобретает простое здание школы. И вместе с тем биография Егорова не превращается в повествование об утраченных иллюзиях. В этом седеющем человеке мы узнаем все ту же упорную жажду строительства, которая владела им в детстве и в юности.

Близость между поэтом и героем определяется всем тоном повествования. Так, говоря о первых встречах Егорова с Женей, поэт превращает свой рассказ лирическим обращением к любимой женщине, вспоминает свидание с нею в снежном парке:

И стоны скрипок отдаленных, Предчувствия ход весны, И отклик скрипкам в миллион: Звенящих капель тишины — Все эту музыку вселенной, Которая, из века в век, Препудет чистой и нетленной, Чтоб радовался человек...

Приято именовать такие строки авторскими отступлениями. Но в этом «отступлении» Антокольский, по существу, прибегает к своему герою, как бы сливая с его чувствами собственную лирическую тему. Такая же лирическая близость автора к герою ощущается и в той части поэмы, где демобилизованный Егоров возвращается к жене. Автор как бы шагает рядом со своим героем, вместе с ним узнает примечательное московское утро, и самый ритм авторской речи, разрывающий слово между

двумя строчками стихов, звучит согласно с прерывистым дыханием героя, уже подумавшего о своей семье:

Не задохнуться только, не задохнуться только бы сейчас!

Правда, другие персонажи не нашли в поэме такого целостного воплощения.

Небрежно, а потому и несколько шаблонно, очерчен у Антокольского образ Болдина, чудакотавого воспитателя детдома, а впоследствии — старого профессора, влюбленного в археологию Москвы. Духовная жизнь Жени, молоденькой девушки покинувшей родной дом, чтобы играть в театре, ее отношение к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, безликими чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене уделялось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Горе

Во Франкфурте-на-Майне (Западная Германия) недавно состоялась демонстрация протеста против реинтеграции страны, осуществляемой боннскими ревизионистами и их западными покровителями. На снимке: один из демонстрантов с плакатами антифашистского и антиимпериалистического содержания. Снимок из итальянской газеты «Унита»

Заверения Конэнта и действительность

Когда-то прусские реакционеры любили говорить: «Gegen Demokraten helfen nur Soldaten» — «Против демократов помогут лишь солдаты». Вышедшие власти Германской Федерации республики еще не сформировали вермахта. Но вместо солдат они используют против демократов пожарные команды и отряды полиции. Когда в конце января в исторической церкви св. Павла во Франкфурте-на-Майне состоялся массовый митинг против парижских соглашений, это здание было окружено полицейскими и пожарниками, державшими планы наготове.

Отчего такой страх? Он, безусловно, объясняется теми серьезными сдвигами в общественных настроениях населения Западной Германии, которые можно отметить в течение последних месяцев. Даже самые преубежденные наблюдатели буржуазной печати вынуждены констатировать эти сдвиги.

Уже январская стачка миллиона рабочих рабочих была показателем того, что рабочий класс Западной Германии понимает опасность того социального и политического курса, который принят нынешними правительством в Бонне. Вслед за этим последовали выступления ряда ведущих профсоюзных организаций, требовавших активных действий против парижских соглашений.

В движении против парижских соглашений участвуют самые различные общественные силы. Недавно только было опубликовано переписка между Общественным западногерманским молодежным союзом и послом СССР в ГДР тов. Пушкиным. Это объединение от имени 5 миллионов юношей и девушек призывает к новым усилиям по восстановлению нарушенного единства Германии. На конференции молодежи Рура, в которой приняли участие представители от 270.000 человек, было принято решение, отклоняющее парижские соглашения.

Показательно, что протест против парижских соглашений в течение длительного времени нарастает и в церковных кругах. Аденauerские власти пытаются сейчас «причистить» всех западногерманских священников по боннской гребенке, подавив голос честных людей, вылихих грозящую опасность. Так, в ряде евангелических академий Западной Германии состоялись специальные «конференции» священников с участием представителей правительства и ведомств Бланка. Последние старались «обезопасить» еретиков». Однако, как сообщает пресса, посланцы Аденauer потеряли на этих конференциях крах.

У боннских сторонников проамериканского курса в резерве еще много средств. Нет никакого сомнения в том, что эти резервные средства — от подкупа до террора — будут пущены в ход для того, чтобы добиться ратификации парижских соглашений. Недаром, как сообщает пресса, верховный комиссар США в Германии Конэнт по своему возвращении из поездки в США немедленно потребовал от Аденauer ускорения темпов реинтеграции. Выступая перед американскими офицерами в Гейдельберге, Конэнт поспешил их заверить:

— В недалеком будущем молодые американские солдаты будут стоять здесь плечом к плечу с молодыми немецкими солдатами...

Однако желание мистера Конэнта не по душе немецкому народу...
А. И.

ВСТРЕЧИ С КИТАЙСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

Савва КОЖЕВНИКОВ

Правление Союза китайских писателей помещается в узком извилистом переулке Дунцзубу. Здесь нет деревьев, не видно ни одного окна, ни одного дома. Под ногами — серая глинистая мостовая без газонов. По бокам тянутся две высокие серые стены. Кажется, в переулке все обесчелочено.

По вот вы делаете несколько шагов, и перед вами внезапно возникает красная стена. Тут я увидел внутренние квадратные дворы, заставленные большими и малыми глиняными чашами с распустившимися в них цветами. По углам — деревья с мощными корнями, уходящими в землю. В центре первого двора — сооружение из камня в виде кораллов.

Я так подробно описываю переулок и дворик потому, что первый вопрос, который я услышал от председателя творческой комиссии Союза писателей товарища Ша Дина, был следующий:

— Видели наш переулок и дворик? Вопрос был задан не для проверки моей наблюдательности, а для одного образного сравнения, возникшего потом в ходе беседы. Я попросил товарища Ша Дина рассказать о творческих достижениях китайских писателей.

— Мне это трудно сделать, — ответил он, — дело в том, что до 1953 года больших творческих успехов у нас не было.

Меня это удивило, и я даже подумал, не напутал ли наш переводчик в передаче ответа Ша Дина.

— А «Солнце над рекой Сангань», «Урган», «Седая девушка»? — Да, это хорошие произведения, — подтвердил Ша Дин, — но ведь все они написаны еще до провозглашения Народной Республики. После победы революции писатели были заняты организационной работой и им редко удавалось браться за перо. Бурным потоком хлынула литература молодежи, но она на первых порах не имела опыта. Пришел к нам большой отряд писателей, живших на территории, занятой гоминдановцами. У некоторых из них были острые взгляды, они еще слабо или совсем не знали новую действительность Китая. И вот до 1953 года появлялись (а порой появлялись и сейчас) произведения схематичные, абстрактные, далекие от живой жизни.

Товарищ Ша Дин назвал ряд таких произведений. Некоторые из них даже не были опубликованы. Но корни их, сказал он, уходят не в почву, а подобно корням цветов в глиняных чашах, расставленных в дворах. Потому-то в них не чувствуешь жизни и они не находят отклика в сердцах людей.

— Но я видел здесь, кроме цветов, и величественные раскидистые деревья.

— Да, конечно, и в первые три года после победы революции у нас родилось немало хороших произведений. Больше того, новая народная литература за это время полностью вытеснила растленную реакционную феодаальную и буржуазную литературу. Речь идет об уровне новой литературы и о том, чтобы все писатели шли в фарватере живой жизни.

Товарищ Ша Дин рассказал мне, как много внимания Союз китайских писателей уделяет воспитательной работе среди литераторов.

— Лучший воспитатель, — сказал он, — сама жизнь.

И в самом деле, одной из характерных черт в жизни Союза китайских писателей являются частые поездки писателей на заводы, фабрики, на новостройки, в деревни, в воинские части. С писателями было трудно встретиться в переулке Дунцзубу. Несколько недель я ждал, когда приедет из деревни Чжао Шу-ли. Хотелось поговорить с Дан Дин. Мне же сказали, что она со дня на день должна вернуться из провинции Хунань. Но это «со дня на день» растянулось чуть ли не на месяц.

Да, не так часто можно увидеть китайского писателя в столице. Но зато как интересно поговорить с ним, когда он появляется в гостинице Союза китайских писателей со следами северного ветра или южного солнца на лице.

Итак, — народ сдержанный, уравновешенный. Писатели не составляют исключения. Но в гостинице союза я неизменно встречал их возбужденными, порывистыми, словно перед тем, как войти сюда, они побывали у источника живой воды.

Во втором дворе на лестнице перед зданием Союза писателей, между высоких пушистых хризантем, стоял худощавый

узловатый человек в темном костюме. — Ма Фын, — отрекомендовался он. Я был знаком с биографией Ма Фына. Родился он в 1921 году. Детство провел в деревне провинции Шаньси. Когда ему исполнилось шестнадцать лет и он поехал в город учиться дальше, его родные места оккупировали японцы. Юноша вступил в партизанский отряд. Сначала он был рядовым бойцом, потом — командиром отряда. В 1940 году приехал в Яньань и в течение двух лет учился в военно-политической школе, а после ее окончания был направлен на работу в деревню. Там он участвовал в проведении земельной реформы, редактировал газету и там же написал первые рассказы.

Мне вспоминался роман «Люйляньские герои», написанный Ма Фыном в соавторстве с Си Жунюном. У нас он был издан в 1951 году под названием «В горах Люйляня». Люйляньские герои — это бойцы отряда народного ополчения, действовавшего в одной из деревень провинции Шаньси в годы национально-освободительной борьбы китайского народа против японских захватчиков.

Хотелось узнать, что же стало с люйляньскими героями, как они живут теперь. Ведь многих из них Ма Фын знал лично, переписывался с ними.

— Довольно ли вам с кем-нибудь из них последнее встречались? — спросил я Ма Фына.

— Я только что вернулся из тех мест, — ответил он, — но никого из прежних друзей встретить не удалось — все они сразу же после освобождения южных районов уехали туда на руководящую работу. Но новое время создает новых героев. Мне поспешивало встретиться с людьми, каких еще не было в Китае несколько лет назад.

Ма Фын рассказал, что более двух месяцев он прожил в деревне Цзянцзян провинции Шаньси. Это была уже вторая поездка. Первый раз он побывал там два года назад. В то время деревня Цзянцзян считалась самой отсталой в уезде. Крестьяне, в конце освобождения не могли стать на ноги, да к тому же земля там неплодородная, во время дождей затоплялась, посевы гнили под водой. Зерна не хватало на пропитание. В деревне не было даже бригад трудовой взаимопомощи.

Я познакомился тогда с деревенским активистом Цзя Хуан-синем. Он сказал мне: «Деревня отстала потому, что мы плохо проводили воспитательную работу». Теперь он встретил меня возгласом: «Посмотрите, как все у нас изменилось...»

Ма Фын вынул из кармана блокнот и в зеленом переплете, провел по нему своей маленькой ладонью и, раскрыв его, сказал:

— Я никогда не думал, что два года — такой большой срок.

Передвистая блокнот, Ма Фын приводил цифры, факты, называл имена, и возникала поистине поразительная картина. В деревне создан производственный сельскохозяйственный кооператив, в который входят сто дворов из двухсот.

— Если один человек разводит коз, — сказал сельский активист Цзя Хуан-синь, — пламя маленькое. Если его разводит много людей, они приносят много хвороста, и огонь может подняться до неба.

Когда организовали производственный сельскохозяйственный кооператив, это справедливое изречение подтвердилось на практике. Ранней весной хлопчатник дал только первые ростки, как вдруг по радио предупредили о наступлении холодов. Члены кооператива все дружной большой семьей вышли на поля, развели костры и сжигали хлопок. У одиночников он погиб.

Члены кооператива и бригад трудовой взаимопомощи использовали советский опыт, применили агротехнику и получили урожай на тридцать процентов больше, чем собирали с индивидуальных полей.

Ма Фын перебрал последний листок блокнота, взглянул на меня и, не скрывая радости, сказал: «Вот какие дела». В этих словах звучала гордость за новых героев новых произведений писателя.

25 октября минувшего года в парке имени Сунь Ят-сена проходила конференция пекинских работников литературы и искусства. Этот древний парк — один из красивейших уголков китайской столицы. Здесь вас прежде всего поражают могучие, в три обхвата, кедры, которым шестьдесят, семьдесят, а то и тысяча лет.

Мы шли на конференцию писателей, и поэтому, естественно, в воображении возникла аллегория о древе китайской литературы.

Оно куда древнее — ему около трех тысяч лет. «Речные заводи», «Трепарство», «Сон в красном навильоне», «Неофициальная история конфуцианцев» — это ветви могучего трехтысячелетнего древа китайской литературы — звуковой сокровищницы великого народа.

После изящных одноэтажных зданий императорского дворца в глубине парка взору открывается величественный павильон с двухъярусной крышей типичной китайской архитектуры. Это — зал имени Сунь Ят-сена.

Мы вошли в него, когда на трибуне уже стоял писатель Лао Ша и читал свой доклад. Он говорил о величии национального литературного наследия и о необходимости его творческого освоения.

— Нам надо изучать это наследие не только для того, чтобы овладеть формой классового искусства, но и чтобы овладеть содержанием, чтобы овладеть формой и содержанием, чтобы овладеть содержанием и формой. Литература должна создать свою форму — простую, прозрачную, действенную.

На конференции одним из главных вопросов об отношении искусства к действительности, который так же волнует китайских товарищей, как волнует и нас.

Лао Ша напомнил слова о долге писателя, которые были сказаны еще писателями древности: «Изучать взаимосвязь человека с природой, понимать перемены в прошлом и настоящем». Классик китайской литературы, великий поэт прошлого Ду Фу в одном из своих стихотворений писал: «Если мои слова не взволнуют людей, я не успокоюсь до конца дней своих».

Очень хорошо сказано! Недаром все делегаты конференции бурно аплодировали. Новая китайская литература развивается как литература социалистического реализма. А социалистический реализм прежде всего требует, чтобы писатели хорошо знали новую жизнь народа и, показывая переходы людей из народа, выражали его новые чувства и мысли.

Пример глубокого знания и активного творческого писателя в жизнь — пьеса Лао Ша «Дунсейтоу», в которой писатель рассказал о преобразованиях в маленьком районе Пекина, преобразованиях, отразивших поступь нового в стране.

Лао Ша — писатель старшего поколения. Ему 56 лет, писать он начал с 1926 года, его перу принадлежит много романов, рассказов, пьес. Я беседовал с ним у него на квартире, слушая его выступление в зале Хуайжэнтан на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей. Это человек открытой души и большого темперамента. В журнале «Народный Китай» он писал: «Я испытываю глубокое волнение оттого, что своими глазами вижу всю широту размаха строительства нового общества. И чем внимательнее всматриваюсь я в новое, тем больше охватывает меня это волнение».

Китайские писатели подолгу жили на стройках. Чжоу Ли-бо стал своим человеком на Шинцзиньском заводе, Ай У-чун на Аньшаньском комбинате. Они видели не только, как рождается сталь, но и как формируются и закаляются новые человеческие характеры.

Ай У-чун сказал мне: «Нельзя возвращать огонь в бумагу». Это верно. Но мы, писатели, должны стремиться к тому, чтобы в каждой строке наших произведений горело пламя новой жизни.

Чжоу Ли-бо и Ай У-чун не довольствовались первоначальным вариантом своих новых произведений, написанных во время пребывания на стройках. Оба в течение года дорабатывали их.

Повышенные требования к себе — вот что характеризует литераторов Китая. Молодой драматург Ху Кэ, известный у нас по пьесе «Они выросли в боях» (мусковичи видели ее на сцене Центрального театра Советской Армии), пять раз переделывал свою новую пьесу «Линия фронта передвигается на юг».

Пьеса показывает борьбу китайских народных добровольцев против американских агрессоров в Корее. Материал для нее автор взял из жизни.

И жил среди добровольцев, — рассказывает Ху Кэ, — и видел их высокий патриотизм и человеческое великодушие. Когда я писал пьесу, я думал: если мне удастся перенести на сцену настоящую жизнь, которая вдохновляла и учила меня, то, возможно, мои чувства передадутся и зрителям.

Я беседовал с писателями в Шанхае, Тяньцзинь, Цзинани. Вывод мне рассказывали о большой плетеной работе литераторов. В китайском календаре календаре есть период, который называется: «Время созрания урожая». Вот такой период переживает сейчас китайская литература.

Международная почта

В памяти бельгийцев еще живы воспоминания о недавнем прошлом, они не хотят забыть героического нашествия! На фотоснимке: участники недавнего митинга в Брюсселе подписывают петицию протеста против возрождения ревизионистского вермахта. Лозунг на плакате гласит: «Подписывайтесь против переосвоения Германии».

РАЗБОЙ СРЕДИ БЕЛА ДНЯ

Французская пословица «Дарят ябло для того, чтобы получить вола» отлично передает смысл и существо взаимоотношений между Соединенными Штатами Америки и теми странами, которыми богатый и сердобольный американский доллар решил оказать «полное бескорыстное» «помощь». Под каким соусом США окрывают эту «помощь» в данном случае не имеет значения: важен конечный результат.

Выходящий в Нью-Йорке журнал «Латин Америка тудей» в конце прошлого года опубликовал статью под выразительным заголовком «Подоплека программы «технической помощи»: помощь или грабеж?». Факты, которые сообщаются журналом, не оставляют сомнения в том, какой ответ надлежит дать на вопрос, поставленный в заглавии статьи.

«Американцы, которые являются преимущественно великодушными и добродушными людьми», — пишет «Латин Америка тудей», — любят думать, что они остаются такими же в своих международных отношениях. Они любят читать об американских экспедициях, борющихся с трахой в Иране, помогающих отстающим перуанцам побеждать «слизков». Им нравится название этой программы: «техническая помощь», «четвертый пункт».

Но вот потрясающая действительность, скрывающаяся за программой «помощи» в одной важной части мира — Латинской Америке.

Действительность и в самом деле потрясающая! Оказывается, за восемь лет — с 1946 года по 1953 год — «американские частные корпорации и отдельные лица вывели из Латинской Америки в двадцать два раза больше денег, чем правительство США предоставило в виде помощи экономической, технической и социальной помощи».

Журнал «Латин Америка тудей» приводит цифры, показывающие размеры этого организованного грабежа под флагом «помощи». Средства, предоставленные Латинской Америке, составили лишь 189 миллионов долларов. Тем временем монополии США, прибавившие к рукам (из лучших чувств!) значительную часть экономики латиноамериканских стран, вывели из Латинской Америки грандиозную прибыль — 4,082 миллиарда долларов. Кроме того, за восемь лет американское правительство получило 108 миллионов долларов в виде процентов на займы.

Но и это не все. Помимо барыша, отработанного в Соединенных Штатах, еще 1,653 миллиона долларов прибыли было вновь инвестировано в Латинской Америке. Таким образом, окончательный итог выгоды был более внушительно: прибыль — 5 миллиардов 843 миллиона долларов, «помощь» — 189 миллионов долларов.

Высокой степени совершенства достигли американские монополии в искусстве ограбления других стран и народов!

АТОМНАЯ ЭСТЕТИКА

Куда конь с копьем, туда и рак с клешней. Голландская буржуазная печать, вслед за американской, провозглашает атомную войну. Газета «Парол», поклоняясь атомной бомбе, от усердия расшибает себе лоб. Подхалимство этой газете перед американскими атомщиками поистине не имеет границ.

Описывая недавние маневры в провинции Бранант, проводившиеся в «условиях атомной войны», «Хет парол» сообщила, что местному населению будто бы «очень понравилось прекрасное зрелище» разрыва дымов фантасматических атомных бомб.

Превозносить применение атомного оружия и вдобавок находить в нем красоту — что может быть гнуснее!

Конечно, газета олеветала честных брананцев в Голландии, на родине Рембрандта. Люди знают, что такое действительно прекрасное зрелище. Жители Брананта, как и все голландцы, безусловно, понимают, что сулит атомная война густо населенной Голландии. Отвратительная «атомная эстетика» газеты «Хет парол» не заставит голландцев полюбить атомную бомбу.

Мощная, растянувшаяся на километры

демонстрация патриотов 13 февраля в Амстердаме, прошедшая под лозунгом «Уничтожить все запасы атомного оружия», убедительно засвидетельствовала, что «очень нравятся» и что «очень не нравятся» голландскому народу.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В отвлеченные споры, ответим на этот вопрос фактом.

В одном из пригородов Нью-Йорка в местную комиссию «по проверке лояльности» были доставлены в качестве «ответчиков» семь труб и тромбончиков. Кто с ними стряслось? Может быть, они осмелились сфальшивить именно тогда, когда оркестр встречал приветственным тушем, скажем, Мендес-Франса или Аденauer в момент их прибытия в США? Нет. «Вина» музыкальных инструментов заключается всего-навсего в том, что они были изготовлены в Германской Демократической Республике и дерзко импортированы в пределы США.

Есть, впрочем, одно отягчающее обстоятельство. По словам французской газеты «Юманите», владелец музыкального магазина осмелился утверждать, будто вышеупомянутые трубы и тромбоны — «лучшие музыкальные инструменты, какие имеются у него по этой цене в продаже». Тут уже есть чем заинтересоваться маккартистам!

После осмотра крамольной меди было принято решение о том, чтобы все семь тромбончиков и труб были срочно заменены «некоммунистическими инструментами».

Итак, отныне и в неуслешенные предметы, особенно если они являются «способностью звучания» могут в США находиться под подозрением. Тут и гляди, Федеральное бюро расследований начнет брать у некоторых саксофонов «отпечатки клавиш». Такова эта «музыкальная история», чудовищная нелепость которой можно легко постигнуть, даже не обладая абсолютным слухом.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ВОПРОС

И если он не бурге невидано состоялся конференция червей Южно-Африканского Союза. Пакистанская газета «Пакистан таймс» рассказывает о следующем эпизоде, разыгравшемся на конференции.

Места для участвовавших в ней священников были разделены (так же как и места для прихожан в церквях Южно-Африканского Союза) на два обособленных сектора — «для белых» и «для черных». В связи с этим один из делегатов — священник из Трансваля, обратился к собравшимся с вопросом: где сел бы Иисус Христос с белыми или черными, если бы он мог появиться в зале заседания?

Конференция, среди белых делегатов которой преобладали открытые расисты, предпочла обойти молчанием заданный вопрос. Каждому ясно, пишет газета «Пакистан таймс», имея в виду широкое известные факты расистского террора, что «если бы Христос посетил Южно-Африканский Союз в настоящее время», то «элементарные принципы его проповеди послужили бы предлогом для возбуждения против него судебного преследования».

Эту карикатуру «Пакистан таймс» помещала, как бы отвечая на вопрос, где сел бы Иисус Христос — с белыми или черными. На рисунке изображен южноафриканский храм с надписью: «Только для белых». Вход охраняют вооруженные солдаты. А священник в руках угрожающе говорит: «Пусть попробует сюда проникнуть!»

Смесь

Маккартисты не дремлют. За последние полтора года с американских военных заводов было уволено, как официально сообщило министерство обороны США, около 4 тысяч человек, обвиненных в «неблагонадёжности». На этом маккартисты из Пентагона не собираются останавливаться, они обещают «ускорить» проверку лояльности оставшегося персонала военных заводов... Не нужно быть пророком, чтобы предсказать: будет в США новые и новые жертвы «истерии безопасности».

Тоска о «форшерах». Милые сердцу воспоминания о фашистских «форшерах» — большущий недостаток лояльности оставшегося персонала внутренних дел Шредера. Он горько сожалеет по поводу того, что в Западной Германии нет «политической злитны», которая держала бы всю власть в своих руках. Этот «крик души», как передает немешко агентство А.Д.Н. Шредер изложил в брошюре, посвященной срочной солдатской истине «форшера», которая командовала бы страной.

И. А. Крути

22 февраля 1955 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался Исаак Аронович Крути — талантливый советский театральный критик, автор многих ценных работ по вопросам театра и драматургии.

И. А. Крути вошел в советскую театральную печать еще в 1920 году. С тех пор в московских газетах и журналах им было напечатано свыше полутора тысяч статей и рецензий, посвященных в своем большинстве острым, насущно важным проблемам современного театра и драматургии.

Лучшие работы И. А. Крути отличала глубокая любовь к советскому реалистическому театру, подлинная творческая возбудимость, умение метко и остро высказываться о театральном искусстве, подлинная творческая возбудимость, умение метко и остро высказываться о театральном искусстве, подлинная творческая возбудимость, умение метко и остро высказываться о театральном искусстве.

Статьи И. А. Крути вызывали к себе неизменный интерес со стороны театральных деятелей и драматургов. С ним никогда не соглашались, спорили, но никогда не читали его равнодушно.

Добрым словом должна быть вспомнута также деятельность И. А. Крути по критическому осмыслению творческих процессов, совершающихся в советской драматургии. Он одним из первых заметил и по достоинству оценил талант молодых еще тогда А. Афиногенова и А. Корнейчука. Чутким, взыскательным другом драматургической

молодежи И. А. Крути оставался до конца своих дней.

Последние годы жизни И. А. Крути были отданы работе над двухтомной историей русского драматического театра в Казани. Горько сознавать, что этот фундаментальный труд выйдет в свет уже после смерти своего автора.

Память об Исааке Ароновиче Крути, сердечном и чутком товарище, всегда умевшем быть строгим к себе и щедро добродетельным к своим творческим друзьям, навсегда сохранится в памяти всех, кто знал его лично или читал его серьезные, вдуманные, глубокие статьи.

А. Арбузов, А. Анастасев, В. Биль-Белоржевский, А. Бучма, С. Гнатиченко, П. Герага, В. Горюновский, Н. Горчаков, Ю. Завальский, В. Залесский, А. Корнейчук, А. Крон, А. Кошкин, М. Сметов, Е. Турчанинов, А. Салынский, Е. Суворов, А. Солоницкий, М. Светлов, А. Сидоров, А. Салынский, Ю. Чепури, Н. Шток, А. Яблочников, Н. Якушенко.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Происшествие с романом Ремарка

Недавно почти одновременно в Англии, Норвегии, Дании и Западной Германии вышел роман «Время жить и время умирать» известного немецкого писателя Эриха Марии Ремарка. Писатель эмигрировал из Германии после прихода фашистов к власти и живет до сих пор за границей.

Читатели следили западногерманское издание романа с изданием в других странах и обнаружили множество купюр, сделанных западногерманскими издателями. Цель купюр — смягчить имеющиеся в книге картины фашистских зверств, массовых убийств, расправ над военнопленными, расистских преследований.

В скандинавской прессе появились сообщения о фальсификации романа и о политических целях этой фальсификации. Некоторые западногерманские газеты перепечатали эти сообщения.

История приобрела широкую огласку, общественность начала говорить о «деле Ремарка».

Торопясь занять скандал, издательство «Кипенхойер и Витч» (Копенгаген) опубликовало в газете «Рейн Неккар Цейтунг»

Штейнбрэннере: «Двадцати одного года от роду он убил больше людей, чем двенадцать солдат, вместе взятых. Не в бою, нет, а в тылу и в концентрационных лагерях. Он много раз хватался этим и гордился своей особенной жестокостью».

Выброшены слова Штейнбрэннера, который говорит о своем желании перейти в эсэсовскую дивизию: «Жам куда вослед. И перспективы лучше. Все там делается в широком масштабе. Из-за каждого русского не приходится устраивать скучные заседания военного суда. Их убивают на ками... Батальоны по борьбе с партизанами и служба безопасности «СС» уничтожают людей сотнями. Там можно продвигаться».

Но это далеко не все: «В немецком издании — пишет Ф. Вайскопф, — приращен и приращен в тыл Штейнбрэннер, но все его союзники, весь гитлеровский фашизм». И он приводит далее множество купюр, сделанных в романе, например, исключение из романа правнучка расеевка о массовых расстрелах мирного населения фашистами.

Характерны и другие изменения, принятые западногерманскими издателями. «Ремарк, когда он писал свой роман, имел расплывчатое представление о характере коммунистического сопротивления в гитлеровской Германии», — пишет Ф. Вайскопф. — Но он знал, что коммунистическое сопротивление было самым сильным, лучше всего организованным и самым смелым среди всех форм сопротивления. По-

этому в оригинале романа (и в английском издании, сделанном с этого оригинала) Иммерман — является коммунистом. Но в государстве Аденauer такое проявление реализма невозможно. Предпринимается небольшое «исправление», и, глядясь, Иммерман уже не коммунист, а социал-демократ».

Другие переделки направлены на то, чтобы исключить из романа все, что касается преследований евреев на расистской почве в гитлеровской Германии.

Если добавить, что в западногерманском издании исключены также, например, реплики, как слова о фашисте, который «растеривает русских крестьян, чтобы завоевать своему фюреру жизненное пространство», картина «редактирования» романа Ремарка станет совершенно ясной.

Западногерманскими издателями, охотно рассуждающими о «свободной литературе», эта фальсификация, как справедливо указывает журнал «Нойе дейче литуратур», предпринята, несомненно, в угоду военным преступникам, занимающим ключевые посты в восстанавливаемом вермахте. Публичное напоминание о преступлениях, совершенных ими, оскорбило бы этих господ.

Для интеллигенции Западной Германии «дело Ремарка» — еще один предметный урок западной «свободы печати».

С. ПЕТРОВ

Иммерман — наиболее резко настроенный против гитлеровской войны персонаж романа Ремарка.